E 58 —
181

DB 500
П37

С.С.С.Р

КОМСОФЛОТСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

2-АЯ СЕРИЯ:

МОРЯКИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

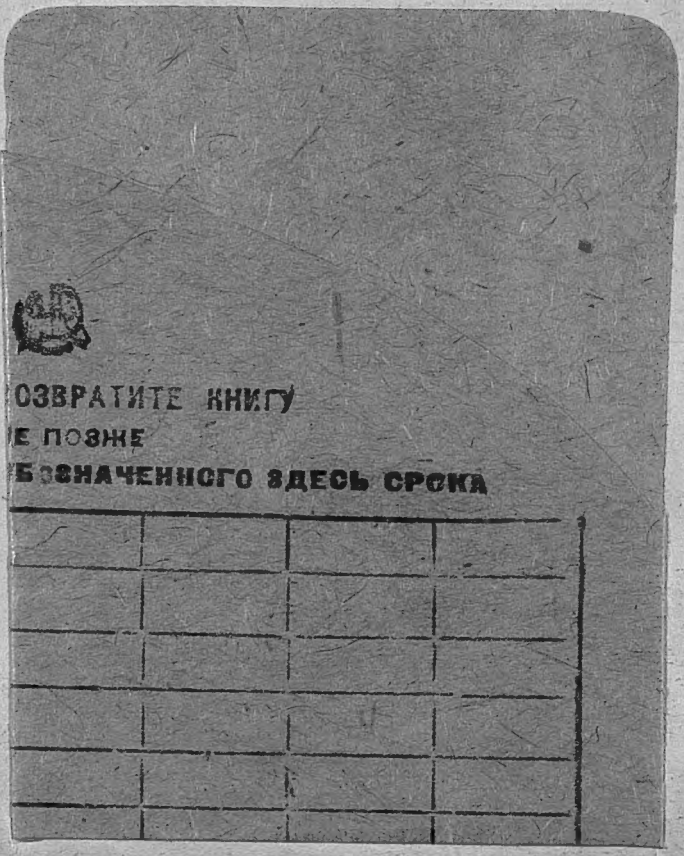
А. П. Платонов.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ

в революции 1917 г.

и адмирал Колчак.

Y1623/16


ОЗВРАТИТЕ КНИГУ
Е ПОЗЖЕ
БОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

E58 2/3
181

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

А. П. Платонов.

323.2 (47) „1917"

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ
в Революции 1917 г.
и АДМИРАЛ КОЛЧАК.

41693/16°

ЛЕНИНГРАД.
1925.

3 с
19 19

Отпечатано
в типографии Морск. Ведомства,
зд. Главн. Адмиралтейства,
Тираж 2000 экз.—6 л.
Ленинградский Гублит № 17586.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
41623 19 г.

Детищу пролетариата,

Шефу Красного флота Комсомолу

посвящает *Автор.*

Историки думают, что достаточно, работая по архивным материалам, воссоздать живую картину события. Это то же, что писать по фотографии портрет.

Почему художникам так плохо удается портрет товарища Ленина? Потому что они работают по фотографиям. Чем талантливее художник, тем менее похожим у него выйдет портрет. Ведь тем художник и отличается от копииста, что он не удовлетворяется точным воспроизведением форм, а стремится заполнять формы живым содержанием. Раз он не видел нашего Ильича живым, действующим, борющимся, то и содержание у него получается не настоящее ленинское, а такое, каким оно должно было бы быть по мнению художника. Получается не портрет, а отсебятина. Тем резче она бросается в глаза, чем живее Ленин в памяти соратников. Слов нет, чем больше лет пройдет со дня смерти Ильича, чем меньше останется тех, которые его лично знали, тем больше неленинские портреты будут сходить за Ленина. Однако, на этом успокоиться нельзя. Надо сделать все от нас зависящее, чтобы передать потомству по возможности более похожий портрет.

Почему столь мало достоверным материалом являются свидетельства очевидцев и их воспоминания?

Потому, что всякое событие различно воспринимается теми, которые его переживают. Отдельные факты, составляющие в своей совокупности то или другое событие, воспринимаются не одинаково об'ективно. Их участнику невозможно одинаково близко стоять ко

всем образующим событие эпизодам. Большая близость участника к одним из этих эпизодов и отдаленность в смысле личного участия от других невольно заставляют его выдвигать на авансцену первые и оставлять в тени вторые. Личные симпатии и антипатии к людям, принимавшим участие в событии, вносят в освещение его почти неподдающийся учету эмоциональный элемент. Все отмеченные выше причины, и еще многие другие, как, например, слабая память, время, прошедшее от события до воспоминания о нем, и т. п. заставляют считать воспоминания лишь подсобным материалом, нужным и полезным для восстановления события в его истинном виде лишь при условии, что имеется не одно, а много воспоминаний об одном и том же, и что на ряду с воспоминаниями имеется еще и архивный материал. На одних воспоминаниях успокоиться нельзя! На них и не успокаиваются. Их собирают в Истпарте и в других исторических комиссиях, сличают с архивными данными, и таким путем стараются воссоздавать события в том виде, в каком они в действительности происходили. Чем дальше событие отстоит от того времени, когда оно обрабатывается историками, тем труднее и невозможнее становится заполнять пробелы в архивных материалах свидетельствами современников, пока, наконец, не наступит такое время, когда они начнут заполняться отсебятиной историков.

Фотография и архивы недостаточны: они либо не дают основания для перспективного изложения, либо, если и дают, то лишь одни очертания; живые краски должны быть нанесены, чтобы событие пульсировало горячим трепетом подлинной жизни, из других источников.

Личные воспоминания—те живут, но их жизнь есть жизнь в большей мере автора воспоминаний, каким бы правдивым он ни старался быть, чем жизнь самого события.

На таких событиях, которые переживаются нами сейчас, будут учиться многие поколения. Если правильное отражение всякой эпохи имеет огромное значение для того, чтобы можно было изучая ее, изучая прошлое, знать, как вести себя в настоящем и иметь возможность предвидеть будущее, то насколько огромнее значение нашего времени, события нашей революции! Насколько, поэтому, велика та ответственность, которая ложится на нас по воссозданию возможно более правильной картины возникновения и развития нашего Союза Советских Социалистических Республик.

Работы такого типа, как та, которая лежит перед товарищем-читателем, на мой взгляд, имеют все шансы наиболее успешно разрешить поставленную перед нами задачу.

Необходимо, чтобы сами активные деятели нашей революции стали ее историками по архивным материалам. Личные воспоминания, проверенные по архивным данным, и обратно, освобождают работу от отсебятины, правильно воссоздают последовательность и одновременность событий и пропитывают их той подлинной исторической правдой, которой не хватает упомянутым выше художникам и воспоминателям.

Время не ждет. События изглаживаются из памяти. Сами люди дают дорогу другим.

Товарищ Платонов—первый, насколько мне известно, из работников нашего Красного Флота, который взялся за дело правильно.

Его пример должен найти последователей.

Э. Э. Эссен.

19/4/V/24.

Предисловие.

Жизнь наших армии и флота можно подразделить на три периода: первый—при царизме период угнетения масс, сведения личности рядового солдата и моряка к положению раба по отношению к господину; второй — переходный период от крушения царизма до падения буржуазии, когда рабочий класс и крестьянство во флоте и армии боролись за демократизацию их, отвоевывая позицию за позицией, и третий период — при Советской власти, период расцвета коллективной мощи, развития личности гражданина-воина, расширения пролетарского творчества.

Современное молодое поколение—комсомольцы, проходя в настоящее время военную службу в красной армии и во флоте, переживает третий период, почти никто из них на своих плечах не испытывал палочной дисциплины и жандармского режима. В нашей печати мало освещен, как первый, так и второй период. Комсомольцам, пришедшим на смену уставшим старым морякам, этот тернистый и сложный путь к победе над буржуазией еще неизвестен, а они должны его знать, потребность в его освещении велика. Ввиду того, что эта работа является одной из первых, я посвящаю ее шефу Красного Флота—Комсомолу.

Начата она по заданиям комиссии по истории Октябрьской революции и истории РКП при коллективе Морской Академии (ячейка комиссии при Василеостровском районном К-те РКП). В этой работе мною кратко, за недостатком времени, охарактеризован первый период, но главным образом я ставил своей целью осветить второй период, особенно первые месяцы революции, когда матросская масса в Черноморском флоте еще слабо руководилась партией большевиков. Меньшевики и эсеры изменяли рабочему классу и крестьянству и, пользуясь временно их доверием, отвлекали их от правильного пути классовой борьбы.

С организацией же в Севастополе на судах флота ячеек с.-д. (большевиков) масса выходит на широкую дорогу и, имея вождя, удаляет из флота активных противников революции, представителя буржуазии адмирала Колчака, поддерживаемого в Черноморском флоте эсерами. Но прежде чем стать на этот революционный путь к Октябрю, масса без верного вождя шла первые месяцы ощупью. Освещение этого периода читатель найдет в главе «Февральская революция». Затем моряки попадают в об'ятия к меньшевикам и эсерам, что в достаточной степени освещено в главе «Оборона» оборонцев». И, наконец, уже после этих пережитых тяжелых дней, убедившись, что меньшевики с эсерами способны только писать на плакатах лозунги и откладывать их осуществление на долгое время, масса бросает их и идет за большевиками. Этот последний период будет подробно мною освещен во второй книге «Черномоморский флот на пути к Октябрю». Насколько мне с поставленной задачей удалось справиться — пусть судит читатель. Я ставил своей задачей не только изложить события, но раскрыть их смысл, с тем, чтобы молодые моряки, учтя опыт своих предшественников могли, итти «сокращенным путем» к победе революции в международном масштабе.

Со своей стороны я обращаюсь к читателям с просьбой не отказать сообщить мне свои замечания по содержанию этой работы.

Товарищей, участвовавших в отрядах против Каледина в составе флотилии в Ростове на Дону и работавших в Севастопольской раде или в вече, особенно прошу сообщить свои воспоминания или прислать имеющийся у них материал, относящийся к революционному движению в Черноморском флоте, по адресу: г. Ленинград, Васильевский остров, 11-ая линия, Морская Академия—А. П. Платонову.

А. П. Платонов.

1-ое мая 1924 года.

1. До-февральский период.

Вопрос о свободном выходе в Средиземное море за последнее столетие постоянно занимал торгово-промышленные круги и правительство. Триполитанская и Балканская войны заставили обратить особенное внимание на проливы, ибо, вследствие закрытия прохода коммерческим судам через проливы, вывоз хлеба за первую половину 1912 г. сократился на 172 миллиона рублей золотом, т.-е. на 45%.

Лишившись дешевого пути, а вместе с тем и больших прибылей, капиталистическое общество России не могло с этим помириться. Оно влияло на внешнюю политику царизма и требовало от правительства овладения Босфором и Константинополем.

Царское правительство, исполняя желание имущих классов, добилось от союзников разрешения, в случае раздела Турции, вопроса о проливах в пользу России.

Дипломатическое разрешение Босфорского вопроса открыло путь к его завоеванию. Правительство с этого времени больше уделяет внимания Черноморскому театру, и перед командованием ставится вопрос о завладении Босфором и Константинополем.

Из доклада начальника Морского Штаба верховного главнокомандующего Николаю II в июле 1916 г., в присутствии морского министра, мы видим требование активных операций против Босфора.

В этом же докладе командующему Черноморским флотом адмиралу Эбергарду ставилось в вину то, что он занял с начала войны оборонительное положение по отношению к противнику и, имея превосходство в силах, не предпринимал активных операций.

Имевшийся запас мин был использован для заграждения подступов к своим берегам. Черноморский флот крейсеруя в море, мог рассчитывать лишь на случайную встречу с противником, так как у Босфора дежурства наших подводных лодок были организованы в оперативном отношении неудовлетворительно: смена происходила не на позиции у самого Босфора, а по возвращении с дежурства в Севастополь, почему точной информации о выходе неприятеля в море не было. Активных операций против Босфора не было предпринято, за исключением постановки здесь слабого минного заграждения в начале войны, на котором подорвался „Гебен".

Эту свободу выхода в море противник использовал для бомбардировки наших позиций у Трапезунда 21 марта и порта Евпатории, 24 апреля 1916 г. а также для сосредоточения в Черном море подводных лодок, которые наносили систематический вред нашему транспорту.

18-го июня крейсера „Гебен" и „Бреслау" бомбардировали наше побережье у Туапсе и Сочи и утопили три наших парохода.

Стратегическая обстановка, в которой протекала эта операция противника, была для нас исключительно благоприятной и такого второго случая—не дать противнику возможности возвратиться в Константинополь—за время войны не представлялось.

Крейсера противника появились в 4 часа 21-го июня у берегов Кавказа, в таком отдалении от Босфора (480 миль), что могли туда возвратиться не раньше

вечера 22-го июня. Таким образом, вследствие столь рискованного образа действий со стороны противника, в распоряжении командующего флотом было более чем 24 часа времени для заграждения ему обратного пути в свою базу.

В момент появления неприятеля у берегов Кавказа, дислокация нашего флота была следующая: в Севастополе был сам командующий флотом с линейным кораблем „Императрица Екатерина II“ и двумя нефтяными миноносцами и минными заградителями. В море вблизи Севастополя был линейный корабль „Императрица Мария“ с тремя нефтяными миноносцами; остальные единицы флота были в юго-восточной части моря. Таким образом, в то время, как противник был от Босфора в расстоянии 480 м., лучшая часть нашего флота с самим командующим находилась в Севастополе и его районе в расстоянии 270 миль от Босфора и, следовательно, командующий флотом имел достаточно времени, чтобы сосредоточить главные силы флота к Босфору раньше возвращения к нему противника. При этом к Босфору могли бы своевременно подойти не только линейные корабли, но и сравнительно тихоходные заградители. Три же миноносца, бывшие в море с линейным кораблем „Императрица Мария“, могли бы даже успеть вернуться в Севастополь, принять там мины заграждения и соединиться с флотом своевременно у Босфора.

Следовательно, у Босфора своевременно могли бы быть сосредоточены—2 линейных корабля, 5 миноносцев с 35 минами заграждения на каждом, две уже бывшие там подводные лодки и даже минные заградители.

При этом мины заграждения в операции должны были иметь решающее значение, ибо постановка их у Босфора была бы единственным средством преграждения для противника доступа в него ночью.

Только через сутки после появления „Гебена“ у берегов Кавказа, командующий флотом вышел в море с линейным кораблем „Императрица Екатерина II“ без заградителей и без мин заграждения на миноносцах, в то время, когда суда противника уже подходили к Босфору.

Вялость Эбергарда об'ясняется тем, что он хорошо знал, что Босфор, по ранее заключенному между союзниками соглашению, должен будет отойти к России, независимо от его завоевания, почему, несмотря на указания ставки в отношении Босфора, предпочитал выполнять второстепенные операции. Но и эти операции выполнялись нецелесообразно, отвлекая слишком большие силы флота. Так, напр., когда для поддержки с моря нашей армии на Приморском фронте, при наступлении на Трапезунд, требовалось обстрелять позиции неприятеля с тыла судами флота, для этой цели посылался л. к. „Ростислав“, для прикрытия которого из Батума выходила II-ая бригада лин. кораблей, которые в свою очередь прикрывались лин. кораблями 1-й бригады „Екатериной“ и „Марией“. Таким образом, для выполнения мелкой операции расходовались силы всего флота, тогда, как при хорошо организованном дежурстве подлодок у Босфора, крейсерование II бригады линкоров являлось излишним. Бездействие командования еще более усугублялось тем, что, уклоняясь от серьезных операций и не имея возможности постоянно блокировать Босфор, в силу отдаленности от него Севастопольской базы, Эбергард, в надежде на случайную встречу с противником, все время заставлял Черноморский флот крейсеровать в море по 5—6 суток, в зависимости от запаса угля, с перерывом дня на 2 для погрузки топлива. Этот метод действий приводил к тому, что судовые механизмы старых судов отказывались работать, ибо за

первую же треть года, по об'явлении войны Турцией, суда флота сделали около 11.000 миль плавания, т.-е. как-бы совершили путь от Кронштадта до Владивостока.

Этот метод ведения войны не мог удовлетворять правительственные круги, которые стремились заменить Эбергарда человеком с большей энергией и способным вести активную борьбу.

Таковым был признан Колчак.

Колчак родился в 1873 году в Петербурге, в дворянской семье. Двенадцати лет он поступил в Морской корпус. Как в семье, так и в корпусе он получил монархическое воспитание. В чине лейтенанта Колчак участвовал в качестве командира миноносца в русско-японской войне. В 1906 г. он принимал участие в организации Морского Генерального Штаба. Находясь в нем он занимался проведением через Государственную Думу новой судостроительной программы, которая должна была быть закончена к 1915 г., т.-е. к тому времени, когда предполагалось начать с Германией войну. В 1912 г. Колчак уходит в действующий флот и принимает командование миноносцем „Уссуриец". Год спустя, назначается флаг-капитаном по оперативной части при командующем Балтийским флотом—адм. Эссене.

Личность Колчака его сослуживец по последней должности А. А. Сакович характеризует, в своем письме к ад'ютанту морского министра, так:

„Колчак, А. В. с задатками военного человека, но... и в этом „но" все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только частный начальник-исполнитель. Колчак потому прежде всего не оператор, что он абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого, что он слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает

людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована, почти всегда всем крайне неприятна".

Эта характеристика вполне об'ясняет его деятельность, как в Черноморском флоте, так и впоследствии в Сибири.

В июле 1916 г. Колчак был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом.

Вступив в должность командующего, он главное внимание обратил на Босфор.

18-го июля подводный заградитель „Краб" поставил минное заграждение внутри пролива. В ночь с 21-го на 22-е миноносцы „Дерзкий" и „Гневный", „Пронзительный" и „Беспокойный" поставили там же первое заграждение, в ночь с 26-го на 27-е—второе и с 27-го на 28-е—третье.

Сообщение же между Константинополем, Румынией и Загулдаком, несмотря на нашу постановку мин, продолжалось, почему 29-го июля было поставлено дополнительное минное заграждение и в остальной части пролива — между концом прежних заграждений и берегом.

Командование предполагало, что Босфор заминирован, но в действительности турки имели возможность протраливать проход, так как охранять поставленное минное заграждение мы не имели возможности, а без этого предпринятая операция сводилась на нет. Наоборот, благодаря этой постановке турки получили уверенность, что наш флот агрессивных операций против Босфора производить не намерен, а если бы и

попытался, то это было бы слишком для него рисковано, так как эти минные поля турки могли прикрывать своими береговыми батареями. Пленный капитан парохода „Родосто“, захваченного нашей подлодкой „Тюлень“, показал, что турки отлично знали о постановках заграждений и даже наблюдали их с батарей, которым было приказано не открывать огня, дабы не помешать столь благоприятному для турок повороту в планах противника. Для прохода же своих судов вдоль берега турки протраливали фарватер, постоянно контролируемый. Своей постановкой мин заграждения мы дали возможность неприятелю, во-первых, перевести освободившиеся войска у Босфора и Константинополя на другие фронты и, во вторых, освободили „Гебен“ и „Бреслау“ от выходов, которые ранее предпринимались с целью отвести наше внимание от Босфора.

Используя все это, турки и немцы перешли от надводной войны к подводной и воздушной, усиливая свой подводный и воздушный флот.

Так, 1-го августа дозорные миноносцы „Быстрый“ и „Поспешный“ были атакованы у Босфора турецким гидро, сбросившим на них 35 бомб, хотя и безуспешно.

3-го августа миноносцы „Громкий“ и „Пылкий“ были у Босфора атакованы гидропланами и двумя турецкими подводными лодками, выпустившими 6 мин— также без результата.

5-го августа эти же миноносцы были атакованы у пролива гидропланами.

12-го августа в расстоянии 65 миль от Варны неприятельский гидроплан сбросил бомбы на наши суда, при чем две бомбы попали в эскадренный миноносец „Поспешный“, одна в самую трубу, другая в палубу, при этом было убито 6 человек, ранено—20. Девять бомб было сброшено и на лин. кор. „Екатерина“, но безрезультатно.

Участились и случаи появления подлодок у наших берегов. Для борьбы с ними Колчаком были предприняты меры по изготовлению и постановке противолодочных сетей. Но это было обставлено кустарно и случайно. Выход и вход эскадры, в виду появления неприятельских подводных лодок у Севастополя, был установлен ночью.

Спорадичность и непродуманность операций, как и вся остальная деятельность Колчака, привели к ряду неудач. За этот промежуток флот потерял вновь приобретенную базу—Констанцу (в Румынии) и ряд боевых судов и транспортов.

Днем, 27-го августа подорвался на румынском минном заграждении миноносец „Беспокойный", не извещенный командованием о постановке такового.

7-го октября, к довершению неудач, флот лишился одного из новых линейных кораблей—„Императрицы Марии", на котором в 6-ть час. 20 м. утра во время стоянки на бочке на Севастопольском рейде произошел пожар, вызвавший ряд внутренних взрывов чрезвычайной силы. Силою взрывов была снесена носовая башня; боевая рубка, передняя труба и фок-мачта взлетели на воздух и разворочена верхняя палуба от форштевня до второй башни.

В 7 час. 05 мин. последним большим взрывом с правого борта, повидимому, 130 мм. погреба, был разворочен борт подводной части, чем открыт доступ воды в отсеки. Корабль начал быстро крениться и через несколько минут, перевернувшись вверх килем, затонул.

В ночь с 10-го на 11-е октября линейный корабль „Екатерина Великая", возвращаясь с моря, при входе в бухту наскочил на бон и намотал его сети на винты. Был дан полный ход назад, но корабль круто покатился вправо, развернувшись на угол в 130°, про-

должая по инерции итти вперед, и приткнулся к мели на рифах южного берега против Константинопольской батареи. Буксирами и путем перекачки воды и нефти и затопления кормовых отсеков удалось корабль стянуть с мели без повреждений. Кроме того, мы в этот же период потеряли ряд транспортов, как „Александр II", „Царица", „Тевере" и др.

Все эти вместе взятые неудачи приводят высшее командование к решению отказаться от идеи морской операции на Босфор и вернуться к идее захвата проливов в будущем помощью армии при поддержке флотом ее левого фланга, идя от Дуная через Констанцу, Варну, Бургас, Инаду на Босфор и Константинополь. Но на пути к достижению всех этих планов становится рабочее движение в России.

Перед тем как перейти к описанию Февральской революции, я позволю себе остановить внимание читателя на классовом составе флота и его бытовых явлениях.

Строевой командный состав пополнялся из дворянского сословия, свое воспитание он получал в Морском корпусе, а в войну 1914 г. и в гардемаринских классах.

В последние годы мировой войны в Морской корпус и гардемаринские классы были допущены лица и не дворянской среды, родители которых имели высшее образование.

Воспитанникам, как в кругу их семьи, так и в корпусе, давали монархическое воспитание, это отмечает капитан 2-го ранга Граф в своей книжке „На Новике". Они привыкли смотреть на рабочих и крестьян, из которых набирались матросы, как на низшую расу.

Этот взгляд вырабатывался в жизни корпуса практически на ряде конкретных постоянных бытовых явлений. Так, например, было принято, чтобы воспитанники

не чистили сами свои сапоги. Это должны были для них делать служителя-дневальные из рабочих и крестьян.

Выйдя из училища и получив такое воспитание, старший комсостав развивал у молодых офицеров взгляд на рядовых матросов как на вьючных животных, которые могут работать неограниченное число часов и безропотно переносить, как нравственные, так и физические истязания. Это особенно ощущалось на берегу, где побои почти не выводились. Обращение с рядовыми матросами имело форму отношений господина к рабу.

В Балтийском флоте матрос, проходя мимо окон дома адмирала Вирена (главного командира Кронштадтского порта), должен был отдавать честь; тот, кто не обращал внимания на окна, не раз был дисциплинарно наказан наблюдавшим из окна адмиралом; бывали случаи, когда на улицах города адмирал Вирен останавливал матроса, предлагал ему растегнуть брюки и проверял поставленные казенные клейма на них и подписаны ли они.

В 1916 году, чувствуя близость революции и ненависть, развивающуюся у матросов к командному составу, молодое офицерство и лучшая часть старого начали создавать оппозицию старому режиму.

Из работников Морского Генерального Штаба и этой части офицерства, оставшейся в Советской России, впоследствии образовалось ядро добросовестных работников, принимавших горячее участие в строительстве Красного Флота не за страх, а за совесть.

Прием же в Инженерное Училище, из которого выходили инженер-механики, был открыт для политически благонадежных лиц различных сословий, а потому мировоззрения их были различны. В военное время училище пополнялось студентами высших техниче-

ских учебных заведений, из которых некоторые были заражены социалистическими идеями, хотя таковых было немного.

При характеристике рядового состава, необходимо отметить, что до 1914 г. в Черноморский флот поступало по набору 50% из рабочих и такое же количество из крестьян, но с об'явлением войны процент крестьян повысился за счет рабочих, примерно до 70%. Это об'ясняется, во-первых, тем, что южные губернии в промышленном отношении беднее северных, во-вторых, тем, что численность флота с 1-го мая 1914 г. по 1-е января 1917 г. возросла с 19.456 до 41.220 чел.

Считаясь с этим, правительство производило в течение этих трех лет набор специалистов не только среди южных губерний, но и губерний средней полосы России, как-то: Орловской, Тульской, Курской и др.

Осенью 1915 г. я тоже был призван во флот и направлен в Севастополь. По прибытии нас расквартировали во флотском экипаже. Первые десять суток мы вынуждены были валяться на голом асфальтовом полу и только на одиннадцатые сутки нас стали по очереди вызывать в приемочную комиссию. Здесь производили медицинский осмотр, после которого справлялись где кто жил до мобилизации, какой специальности, был ли под судом и пр. Признанные годными зачислялись на службу во флот и затем разбивались по-ротно.

Из стен экипажа первые 4 — 5 м-цев нас в город никуда не отпускали, по приходе со строевого учения нам не разрешали даже выходить во двор в лавку за хлебом.

В 6 час. утра дудка будила роту на уборку, тому, кто опаздывал, попадало от взводного цепочкой. По окончании уборки пили чай и затем выходили во двор на строевое ученье. Во время строевого ученья, к тем, кто не усваивал его приемов, взводный или отделен-

ный спешили на помощь с руганью и кулаками, когда же рота от усталости плохо ставила ногу, фельдфебель приказывал минут 10—15 бегать на месте или по двору.

В 12 часов мы с пением вульгарных „солдатских“ песен возвращались в помещение на обед. Обед наш состоял из одной воды, в которой приходилось с дубинкой гоняться за крупинкой или картошкой. После часового отдыха нас опять выводили на строевое учение, а вечером шли занятия словесностью.

Во время словесности взводный рассказывал или спрашивал как кого титулуют, или как кому отвечать на приветствие, в последнем случае мы отвечали взводом. Некоторые же вечера практиковались в отдании чести. В этом случае взводный командир изображал из себя ротного командира или адмирала, а мы, проходя мимо него, должны были отдавать честь или становиться во фронт. Тот, кто делал ошибки, обыкновенно получал от него по затылку. Особенное же удовольствие ему доставляло ударить того, кого он подозревал в крамоле, чтобы тем самым вызвать на скандал, а затем отдать под суд.

Начальство постоянно стремилось посеять среди матросов рознь, выделяя одних перед другими. В последнем случае это были большею частью матросы, оставляемые на сверх-срочную службу.

Для поднятия палочной дисциплины, для выявления и вылавливания пропагандистов среди матросов, начальством был создан штат сверхсрочно-служащих.

На службе они получали ряд привилегий. Так, например, оклад содержания их был значительно выше оклада других специалистов, им давалась возможность при увольнении на берег оставаться там с ночевкой. Кроме того, они получали увольнение вне очереди и в любые вечера, свободные от работ. У начальства

они были для разведки, а среди матросов играли роль предателей.

В 1914 г. из 14.456 матросов, 976 были сверхсрочнослужащими. Число их за время войны вместе с кондукторами возросло в 4 раза. Матросы называли их „кожей".

Обстановка действующего флота не многим отличалась от береговой. Команды небольшими группами были размещены по кубрикам.

Жизнь на судне обременялась излишней работой, вроде чистки медяшки до тех пор, пока не увидишь в ней собственного лица, или ежедневного мытья палубы песком. Что же касается специального обучения, то оно страдало большими недостатками. Отдыха от работ рядовой матрос почти не имел. На берег увольняли один раз в месяц часа на четыре. На берегу матросу запрещалось ходить в общественные учреждения, в театры, кафе и пр. Каждый из рядовых, выпущенный на берег, вынужден был скитаться по улицам или же отправляться к кухаркам на кухню, или же в публичные дома. На личный рядовой состав смотрели как на какое-то послушное животное.

Начальник штаба командующего Черноморским флотом контр-адмирал Каськов в своих записках о личном составе пишет: „пока можно прибавить, что одной из причин нервничанья, усталости надо считать то, что о личном составе как-то мало заботились — говорилось только „должны" и кончено. Усталость, апатия, задерганность—наблюдались еще и в мирное время. Причиною этого надо считать материальную необеспеченность и неорганизованность отдыха, т. - е. отпусков".

Материальная необеспеченность еще усугублялась и нераспорядительностью. В своих записках адмирал Лукин, командующий II-й бригадою линкоров, рас-

сказывает о ней следующее: „Положение матроса было таково, что по закону за обмундирование 1-го срока отвечает начальство (т.-е. личность матроса была обезличена и сведена до рабского положения)[1]), а потому эти вещи надписанными отбирались обратно, зашивались в мешки и складывались на хранение, но ведь хранилищ таких на судах нет, а если есть, то там сырость может повредить, там крысы могут попортить... благодаря знакомству нашлось место на берегу: в береговой казарме отвели отдельную камеру, куда под замок сложили ящики с вещами. Но об них заботиться береговое начальство не будет, свое же было занято муштровкой, а вещи гибли".

Морская порция считалась усиленной, кроме обеда, давали и ужин, в пищу клали мясо, но эта пища была слишком однообразна и усугублялась тем, что вместо свежего мяса отпускали солонину, настолько пропахшую, что если ее ели на баке, то запах доносился на корму.

Частые походы, погрузка угля изнуряли команды, многие матросы обыкновенно после этого шли в лазарет. Отношение доктора и командного состава к больным нисколько не менялось. Для характеристики я приведу пример, очевидцем которого мне пришлось быть. В лазарете доктора пришлось ждать часа два, наконец, он пришел и начал осматривать.

— Ты чем болен?—спрашивает он

— Зубы болят,—отвечает больной.

— Смазать ему иодом.

— А ты?—спрашивает другого.

— Уши болят, ваше благородие.

Осмотрел доктор уши и говорит:

— Ты их никогда не моешь.

---

[1]) Слова, заключенные в скобки, дополнены автором статьи.

— Пробывши восемь часов, ваше благородие, в угольной яме, у меня внутри-то все—уголь.—При этом матрос начинает харкать и плевать: харкотина вся черная.

— Каким же образом ты пробыл восемь часов?

— Утром вышел на погрузку угля и, не узнав в лицо боцмана, назвал его на ты, а он и дал мне наряд в угольную яму.

— А ты, что же это, обращаться не умеешь. За дело он тебя и посадил.

Вот подходит больной ногами. Доктор ноги осмотрел, чем-то смазал и освободил больного от работы.

Кончается день. Горнист играет сигнал на молитву. Идет боцман и помахивает цепочкой.

— Ты чего не идешь на молитву?

— Я больной.

— Все равно, должен быть на молитве.

Кое-как пошел больной в батарейную палубу.

После молитвы раздалась команда: „бегом по сеткам. Койки брать". Вся команда разбежалась, а больной пошел.

Старший офицер Цвигман:

— А ты, чего команду не исполняешь?—Ты кто такой?

— Я комендор, ваше благородие, у меня ноги болят.

— Ты, прохвост, притворяешься. Бегом марш.

Побежал матрос, но скоро остановился.

— А, так ты не хочешь бежать, мат... Я тебя сейчас посажу.

Вызвал старший офицер караул и арестовал больного. Что с ним после стало я не мог узнать.

Треть флота постоянно подвергалась различным взысканиям. Из всеподданнейшего доклада морского министра за 1914 г. мы видим, что из 52.000 мат-

росов 17.257 подверглись дисциплинарным взысканиям.

Число приговоренных:

к тюремному заключению	771
к дисциплинарным батальонам	206

В исправительные арестантские отделения:

гражданского ведомства	41
в гражданскую тюрьму	7
к каторжным работам	11

Число дисциплинарно-наказанных:

по суду	108
не по суду	16.127
бежало	249

К началу войны 1914 г. партийные организации в Севастополе были разгромлены, ареста избежали отдельные и мало активные члены существовавшей организации эсдеков, не принимавших участие в подготовке восстания. Около 400 человек было арестовано, часть из них с „Иоанна Златоуста“ была расстреляна, некоторым смертная казнь была заменена каторгой, около 150 человек были высланы в Каспийский и Балтийский флот. Редактор подпольной газеты „Моряк“, издаваемой с.-д. и эсерами, вокруг которой группировалось это движение, был арестован в Александрии и с разрешения английского правительства был оттуда вывезен и затем посажен в одесскую тюрьму.

Матросская масса была парализована, среди нее было много предателей. Революционных идей она сторонилась.

Вновь прибывшим революционным элементам, из запасных, приходилось революционную работу среди молодых матросов начинать с начала. Мне вспоминаются те дни, когда мы, помещенные в носовом шпилевом отделении на линкоре „Екатерина II“, с машинистом, фамилии которого не помню, вечером после ужина или после молитвы спускались вместе в рефрежираторное отделение, брали с собою немецкую или французскую книгу, клали на маленький откидной стол для виду, а иногда и читали, но больше он рассказывал про дисциплину в до-военное время, про аресты в 1912 г., когда подготовлялось восстание. Сам он служил седьмой год во флоте, об'явление войны задержало его увольнение в запас. Немецкий и французский языки он изучил во время заграничного плавания, где пробыл две или три кампании. Революционно-воспитательную работу он вел незаметно для нас, но это было недолго, несколько месяцев спустя нас скоро расселили; я был переброшен в кормовой кубрик, а он списан на один из миноносцев. Машинный унтер-офицер Зелинский, старшина нашего кубрика, забивал постоянно козла [1]), на наши проделки смотрел сквозь пальцы, иногда только после двенадцати часов ночи поговаривал о том, чтобы мы укладывались спать. Но благодаря тому, что здесь же размещались мотористы, которые дежурили посменно на баркасах и не спали ночью, мы и в этом отношении не были стеснены. Зелинский после революции сделался эсером. Среди машинной команды и гальванеров пропагандистская работа протекала успешно. Я вспоминаю тов. Савинкова, машинного старшину из запаса, помещавшегося под левым

---

[1]) Так обыкновенно во флоте называли игру в домино, другое название ее было «бланжи».

турбинным отделением, вместе со своим товарищем. Он, бывало, сквозь зубы да что-нибудь и скажет про с.-д.—с их программой он хорошо был знаком. После революции он избран был в Севастопольский Центральный Военный Комитет, а оттуда в Центрофлот. Из кубрика шпилевого отделения вышел хороший большевик—украинец Гриша Харченко, после ревслюции он был эсером, но в июльские дни, убедившись в предательстве эсеров, порвал партийный билет и вступил в большевистскую организацию. Из гальванеров же вышли хорошие пропагандисты—большевики Г. Ларионов и Горлов.

Что касается остальных специальностей, то там работа встречала большие препятствия. Но сама среда флота, тяжесть жизни, тупое невежественное офицерство, воспитанное в уверенности полной непобедимости самодержавия, побои, недостаток пищи и одежды, поражения на фронтах воспитывали в массах революционность и ненависть к сторонникам царского режима.

Бежавший к белым офицер, некто Б. Лазаревский, в своей статье „Начало конца“ в морском сборнике, издаваемом в Бизерте (№ 5 за 1921 г.), говорит: „В конце 1916 г. я почувствовал великое неблагополучие флота, начало конца, безбрежное море грядущей человеческой злобы...“

II. Февральская революция.

Для того, чтобы русская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было иметь на лицо ряд условий исторического характера. Бедствия войны, рост дороговизны, поражения на фронте, реакция внутри и работа революционных партий возбуждали народные массы, заставляя их задумываться о положении страны и в частности о своем положении.

Настроение рабочих фабрик и заводов Петроградского района было чрезвычайно повышенное. В конце октября 1916 г. в гор. Петрограде бастовало свыше 130.000 рабочих, протестуя против суда над матросами Балтийского флота, арестованными за социал-демократическую работу в войсках. В день открытия Государственной Думы, 14 февраля 1917 г., бастовало до 60 фабрик и заводов численностью до 50.000 рабочих. В то время как меньшевики призывали рабочих поддерживать Думу, большевики призывали их к забастовкам и к революционным демонстрациям непосредственно против царизма. Стачки не прекращались и после, но особенно они разразились 23-го февраля, в международный день работниц.

Забастовки начались с Выборгской стороны. В первый день бастовало до 90.000 человек, во второй день 24-го февраля до 200.000 и в субботу 25-го свыше 240.000.

Забастовка росла и превращалась во всеобщую, охватывая и другие районы и останавливая жизнь. Вечером 24-го февраля весь Невский был заполнен рабочими. Небольшие отряды казаков раз'езжали по Невскому, но активности они не проявляли. На заводах устраивались митинги, слышались возгласы „долой войну и царское правительство“. Толпы на улицах кричали „дайте хлеба“. В субботу 25-го рабочие с окраин опять направились на Невский, были выставлены солдатские заставы, полиция преграждала путь, но манифестанты прорывали цепи. Рабочие Обуховского завода, в количестве 14.000 вышли на улицу с красным знаменем, на котором было написано: „Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика“. Полиция, хотя и готовилась к противодействию, но была захвачена врасплох, низшие чины полиции не проявляли решительных действий. Отдельные жестокие расправы вызывали ненависть.

На Выборгской стороне начали разгром полицейских участков. Правительство не уловило момента перехода народного волнения в революцию, оно еще надеялось, как всегда, подавить его с помощью оружия. Войска, высылаемые для несения нарядов по городу, состояли из запасных, большею частью призванных из рядов столичного пролетариата. На улицах они держались пассивно, вступая с манифестантами в переговоры.

26-го часть Павловского полка отказалась повиноваться правительственным распоряжениям, против них были высланы части Преображенского и Кексгольмского полка, полиция и кавалерийские части. Произошли стычки, павловцы были разоружены и арестованы. На Невском манифестанты ружейным огнем полиции были разогнаны. Государственная Дума была распущена. С.-д. (большевики) выпустили манифест с призывом к восстанию. Воззвание заканчивалось: «Вперед! Возврата нет. Беспощадная борьба! Под Красное Знамя Революции. Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует революционный рабочий класс! Да здравствует революционный народ и восставшая армия!» Утром 27-го волынцы, которые накануне разгоняли манифестантов, теперь отказались выйти на подавление восстания, убили своих офицеров и направились к Преображенскому и Литовскому полкам, отсюда с присоединившимися частями войск направились по Литейному. По пути к ним присоединились и другие части. Правительство растерялось. Совет министров постановил удалить Протопопова и об'явить г. Петроград на осадном положении; были напечатаны приказы, но расклеивать их было некому. К вечеру город находился в руках восставших. В Таврическом Дворце состоялось первое заседание Совета Рабочих Депутатов. Члены Государственной Думы избрали временный комитет. 28-го февраля телеграфом было со-

общено во все города России об образовании В.К.Г.Д. Совет Рабочих Депутатов г. Петрограда обратился к населению с призывом сплотиться вокруг Совета. Был выпущен первый номер „Известий Петроградского Совета". Большевики призывали к выборам Революционного Правительства. Народные массы с большевиками во главе концентрировали свои силы вокруг Совета. Соглашатели договаривались о формировании Временного буржуазного правительства. К вечеру было выпущено сообщение об образовании его.

Первые вести о событиях в Петрограде в Севастополе были получены из Генмора 27-го февраля. Они гласили: „В Петрограде во многих гвардейских запасных полках происходят бунты. Верность прочих войск сомнительна. Минмор считает нужным принятие полных мер для поддержания спокойствия в частях. Капнист".

28-го февраля Колчаком было получено сообщение о петроградских событиях от наморштаверха. В телеграмме сообщалось: „Капнист мне донес, что Петроград в руках мятежников. Необходимо принять все меры к поддержанию спокойствия во флоте".

Русин.

Одновременно с этим были получены телеграммы и редакцией „Крымского Вестника" об образовании Временного Комитета Государственной Думы. Редакция попыталась поместить эти телеграммы на страницах своей газеты, но цензурой они были вычеркнуты и газета вышла с белым пятном.

1-го марта командующий флотом получил телеграмму от морского министра. Сообщая подробно о событиях, Григорович писал, что Комитету Государственной Думы удается восстановить порядок и что войска Петрограда и пригородов переходят на сторону

Гос. Думы. Телеграмма заканчивалась оптимистическими словами: „Характер событий совершенно исключает какую бы то ни было внешнюю опасность и надо думать, что принятыми мерами страна избежит сильных потрясений внутри. Григорович".

2-го марта из радио, разосланного Временным правительством, Колчаку стало известно об образовании нового правительства. Колчак, не считаясь с ним, телеграфировал в Ставку, что он может отдать распоряжение подчиненным ему частям и районам о подчинении новому правительству только по получении от штаба верховного главнокомандующего соответствующего распоряжения. С своей стороны он просил определенных указаний. В ответ на телеграмму Колчака, Бубнов из ставки сообщил: „Наштаверх сговаривается с главнокомандующим о том, чтобы от имени армии принять манифест и присягнуть Михаилу Александровичу, с тем, чтобы Михаил Александрович об'явил манифест о том, что он по наступлении спокойствия в стране созовет учредительное собрание".

Необходимо отметить, что среди командования армиями не было единодушия: в ставке часть стояла за Михаила; Брусилов высказывался в пользу Алексея, Иванов же отстаивал Николая. Солдаты и рабочие в Петрограде ни о каком монархе не хотели слышать, почему все планы и рушились, как карточные домики. Колчак, солидаризируясь со ставкой, отдал 2-го марта приказ, с требованьем непоколебимо выполнять свой долг перед монархией. Опасаясь восстания на судах флота, особенно на тех, которые имели частое общение с берегом, он отдал приказ о выходе в море, якобы на учебную стрельбу, 2-ой бригаде линейных кораблей и дивизионам миноносцев. В истории Черноморского флота это повторилось во второй раз. Аналогичный случай имел место в 1907 г. 14—15 сентября этого года, за час до

назначенного восстания, флот в три часа ночи был выведен командующим в море, чем и было сорвано восстание.

Вечером 3-го марта сведения о петроградских событиях стали доходить до команд судов, стоявших на рейде.

4-го марта на берегу в присутствии большого количества публики состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы. В семь час. городской голова, открывая заседание, обратился к присутствующим членам и публике с следующей речью:

„Светлая заря новой жизни, наконец, взошла над нашим дорогим отечеством. Старое, потерявшее всякое доверие страны, правительство пало. Свобода слова, свобода собраний, равноправие всех национальностей, всех вероисповеданий—вот те высшие блага, которые несет нам в ближайшем будущем новое правительство. Всему этому мы всецело обязаны Государственной Думе во главе с ее председателем".

Речь встретила сочувствие среди гласных и публики, была подхвачена рукоплесканиями и криками „ура", после чего городской голова предложил послать приветственную телеграмму Государственной Думе и новому правительству с заверением о готовности работать совместно.

По окончании заседания Думы, происходило частное совещание, на котором были заслушаны полученные телеграммы. После оглашения телеграммы из ставки о Михаиле было предложено провозгласить „ура" „Великому князю Михаилу Александровичу". Гласные Думы тогда еще имели надежду на учреждение ограниченной монархии с ответственным министерством.

На судах Черноморского флота в ночь на 4-е марта среди матросской массы чувствовалось повышенное настроение. На линейном корабле „Императрица Ека-

терина II" началось брожение, которое к вечеру выразилось в том, что командиру корабля было пред'явлено требование: убрать офицеров с немецкими фамилиями. Необходимо отметить, что это были одни из самых жестоких офицеров, которые ни с какими обстоятельствами не хотели считаться. На нашем корабле был, уже знакомый читателю, Цвингман и еще другие. Наша маленькая кучка революционных матросов старалась придать националистическому движению политический характер. С этой целью, для того чтобы выявить личность Колчака и враждебность его революции, было выставлено предложение затребовать Колчака на судно и предложить ему об'яснить ход текущих событий. Настроение к утру значительно повысилось. В эту ночь застрелился мичман Фок. Позднею ночью он был в башенном помещении и хотел пройти в погреба, но не был допущен часовым. Попытка пробраться в погреб была понята, как желание с его стороны произвести взрыв, почему утром матросы настойчиво потребовали Колчака на корабль. Колчак на это ответил отказом, тогда требование было повторено. Командир корабля лично отправился к командующему. Через полчаса на нашем судне горнист играл уже большой сбор и мы выстраивались на верхней палубе для встречи Колчака.

Обойдя выстроенную по-ротно команду и не здороваясь с нею, Колчак отдал приказание построиться на юте. Здесь, выругав организаторов выступления Колчак отверг требование об удалении офицеров с немецкими фамилиями и поспешил удалиться с корабля.

Мы были распущены, но через полчаса вновь собраны. Командиром корабля были оглашены телеграммы о перевороте, об отречении от престола Николая II и о назначении нового правительства.

После обеда на берег для гулянья были уволены очередные номера. По бухте потянулись с судов баркасы, переполненные командами. Все горели желанием поскорее встретиться со своими земляками, знакомыми, чтобы выразить свою радость и поговорить о текущих событиях.

По главным улицам, Нахимовской и Екатерининской, поминутно собирались кучками матросы, солдаты и публика. Я останавливаюсь перед самой большой кучкой и стараюсь уловить клочки долетающей до меня речи. Я не вижу оратора. На мгновение мелькает над головами слушающих его рука, говор стихает и слова оратора ясно звучат: „мы должны об'единиться и не нарушать порядка. Старая преступная власть свергнута на веки веков".

„Верно. Правильно".

„Россией будет управлять сам народ".

„Да здравствует русский свободный народ. Ура".

Громкое „ура" пронеслось в воздухе. Рядом слышу голоса, что „в экипаже собирают митинг". Через минуту кучки стали редеть и публика направилась в экипаж.

Стоявший у ворот дежурный-офицер не хотел пускать собравшуюся небольшую толпу, но, услыхав ропот, поспешил удалиться, и мы беспрепятственно вошли во двор.

В экипаже матросы уже были подговорены к организации митинга, и через полчаса он уже шумел. Оратор громко говорил:— „В „Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов", говорится:—революционный народ должен довести дело революции и демократизации политического и общественного строя до конца. Возврата к старому быть не может".

„Верно, товарищ, правильно".

„Революционный народ должен создать такой политический строй, который лучше и полнее будет отве-

чать его интересам, его силе, его великому порыву. Он должен создать такой строй, который обеспечит невозможность новых покушений на его права и свободу".

После нескольких ораторов из массы раздаются:

„Колчака потребовать. Пусть он явится сюда и сообщит о перевороте".

Толпа подхватывает:

„Колчака! Колчака!"

Президиум посылает за Колчаком.

Через несколько минут командир экипажа передает, что Колчак уполномочил его сообщить собравшимся о текущих событиях.

Масса не хочет слушать:

„Колчака! Лично требуем!"

Полчаса спустя Колчак приехал на автомобиле. Он не хотел говорить и предложил было всем разойтись, но из толпы послышались голоса:

„Мы не разойдемся и вас не пустим. Товарищи, ворота на запор!"

После небольшой паузы Колчак начал свою речь:

„Война еще не кончена, мы должны сохранить боевую способность. Матросы и солдаты, сохраняя порядок, должны будут выполнять приказания своих офицеров. Враг еще крепок и силен. Нам необходимо довести войну до победного конца".

Сообщив некоторые сведения о петроградских событиях, Колчак хотел было на этом закончить и уехать, но из толпы раздались возгласы: „мы требуем от вас немедленной посылки телеграммы новому правительству от имени армии и флота с приветствием перевороту". На требование о посылке приветственной телеграммы Колчак ответил согласием. На этом же митинге было решено избрать Центральный Военный Исполнительный Комитет и здесь же было приступлено к выборам делегатов. Колчак не хотел признать этот

комитет и в утверждении его отказал, но комитет получил узаконение от революции. В комитет вошли представители матросов, солдат и ополченских дружин— следующие товарищи: солдаты—Хорохович, Ждалов, Гвоздев и Демидов, от Черноморской дивизии Еременко и Федоров и от артиллерии Капаух, от матросов Гончаров, Пащенко. Гаркушенко, Царьков, Водолазов и др.

День этот является для Севастополя историческим, ибо масса, непосредственно, инстинктивно памятуя революцию 1905 г. и ее неудачи, выбрала Военный Исполнительный Комитет, который впоследствии, сливаясь с Советом рабочих, получил название — Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов.

В другой части города у здания Городской Думы перед началом заседания происходил второй митинг.

Выступавшие ораторы требовали удаления полиции и посылки „делегатов от армии, флота и жителей" в Петроград. Толпа росла все больше и больше. Ораторы предложили избрать 5 — 6 человек от армии, флота, рабочих и гласных Думы и выработать воззвание. Была выработана резолюция следующего содержания: „Признавая необходимым избрание Исполнительного Комитета, который будет находиться в прямом контакте с новым правительством в Петрограде, из числа лиц, пользующихся народным доверием, собрание выражает уверенность, что никто чинить препятствий к производству означенных выборов не будет".

С открытием заседаний Думы был разрешен вопрос о разоружении городской полиции и жандармерии. Командующего флотом было решено просить дать патруль для охраны банка и казначейства.

В 10 час. прибыл Колчак, который на запрос Думы сообщил, что он признает новое правительство и посылает приветственные телеграммы председателю совета

министров Львову, председателю Государственной Думы Родзянко и др. Заседание затянулось до 4-х час. утра. В конце было назначено собрание на понедельник 6-го марта в Народном театре для выборов Исполнительного Комитета.

Колчак, впоследствии в Иркутске на вопрос председателя следственной комиссии, что его заставило, будучи монархистом, признать Временное правительство, ответил: „Самый переворот я принял, как средство доведения войны до победного конца. Мне ясно было, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна была быть какая-то другая форма правления, которая могла бы закончить эту войну, и я это увидал в лице нового правительства".

6-го утром, офицеры на судах флота по кубрикам освещали события. На линкоре „Екатерина II" был устроен в батарейной палубе митинг, на котором обсуждался вопрос об аресте двух драконов-офицеров. Митинг продолжался около двух часов. Было принято решение об аресте одного из них и об удалении его из рядов флота, в отношении второго—решено было только списать его с судна. Нерешительность об'ясняется тем, что команда была еще молодая, на себе лично мало испытала гнета и была политически неразвита.

Вечером в Народном театре состоялось многочисленное собрание для избрания делегатов в Исполнительный Комитет, который должен был управлять городом вместо коменданта крепости. В Городской Исполнительный Комитет было избрано 7 представителей от флота и армии, 6—от рабочих, 3—от городского самоуправления и 3—от населения.

7-го марта в городе были получены сведения о приезде в Севастополь комиссаров Временного правительства и членов Государственной Думы.

В 5 час. около вокзала собралось около 15 тысяч народа, выстроился оркестр черноморского экипажа, над толпою развевались красные флаги, плакаты с надписью „да здравствует свободная Россия“, „да здравствует Временное правительство“.

Около 6 час. вечера было получено известие, что поезд с делегатами опаздывает, и толпа с оркестром двинулась в город.

Оркестр играл „марсельезу“.

Манифестация вышла на Екатерининскую улицу и двинулась к морскому собранию. Присоединялись новые участники и толпа росла. Многие уже были с красными ленточками в петлице и с красными кокардами. У морского собрания манифестация остановилась. Здесь происходило заседание офицеров армии и флота, собрание которых вызвано было организацией Центрального Военно-Исполнительного Комитета. Чувствуя свою изолированность от команды, они и собрались обсудить свое, отношение к комитету. На этом же собрании были выделены в комитет следующие делегаты: Верховский, Немитц, Свешников, Дворниченко, Каллистов, Афанасьев, Левговд, Ромушкевич и прапорщик Широкий. В момент появления у морского собрания манифестантов на балкон собрания вышли делегаты от офицеров, солдат и матросов. Толпа приветствовала их, оркестр играл „встречу“, затем „марсельезу“.

Смысл всех речей: „мы пришли к единому решению, отныне офицеры, матросы, солдаты — одна семья, призванная защищать свободную Великую Россию. По призыву нового правительства мы дружно пойдем вперед рука об руку к грядущим событиям, к грядущей победе“.

По окончании митинга, члены Комитета отправились на вокзал для встречи членов Гос. Думы. На вокзале состоялось первое заседание пополненного офицерами

комитета, на котором и было выработано воззвание к населению. В 2 часа ночи с экстренным поездом прибыл член Гос. Думы т. Т.

Утром, в 10 час. в гостинице „Кист“ им были приняты делегаты от Севастопольского порта, матросов, рабочих, Городской Думы и командующий флотом адмирал Колчак. По окончании приема делегаций, он вместе с командующим флотом, городским головою, председателем ЦВИК и остальными присутствующими вышел на балкон. К тому времени на Екатерининской площади собралось до 20.000 граждан, матросов и солдат со знаменами и оркестром музыки.

В своей речи к собравшимся т. Т. призывал к спокойствию и порядку, просил всех военных поддерживать дух дисциплины. От лица Временного правительства и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов т. Т. призвал защищать свободу от всех посягательств на нее и не позволять внешнему врагу установить в России свой порядок. В заключение оратор призывал втрое увеличить и усилить энергию, чтобы разбить врага. В ответной речи адм. Колчак заверял, что „наша“ политика есть политика Временного правительства.

Отсюда т. Т. в сопровождении офицеров штаба командующего направился на суда флота. На судах флота его выслушивали с большим вниманием, ибо это был первый оратор из центра, который подробно освещал текущий момент. В дни февральской революции на митингах и остальных собраниях выступали больше офицеры и интеллигенция. Матросы и солдаты еще не высказывали своих требований и положений, одни сомневаясь в прочности режима, ибо в их памяти свежи были воспоминания и ужасы 1912 г., когда за свободное мышление в период под'ема рабочего движения, Ленских расстрелов, сотни матросов увозились

с кораблей под усиленной охраной для расправы; другие, не умея выразить своих мыслей, предоставляли говорить своим классовым врагам и выделившимся мелко-буржуазным вождям. Масса, хотя и приветствовала ораторов, но это приветствие относилось не к содержанию речей, а к самому факту свержения самодержавия.

Лозунг „война до победного конца" для массы был чужд и непонятен. Усталые от войны матросы и солдаты, большею частью из крестьян, получая письма о разорении домашнего хозяйства, стремились домой. Война 1905 г. для них была живым примером того, что буржуазия может только обещать трудящимся, но не выполнять обещаний. Солдаты начали дезертировать из своих частей. Одна часть на предложение выступить ответила отказом, что заставило члена Государственной Думы—Александрова, находившегося тогда в Севастополе, обратиться к частям с особым воззванием.

10-го марта был устроен праздник „Свободы". Вечером у морского собрания был устроен митинг, на котором выступали офицеры и матросы. Волна революционного движения за эти последние дни настолько выросла, что даже самая консервативная часть севастопольского общества—духовенство, которое ежедневно молилось за царя, не могло сдержаться и послало приветственную телеграмму Временному правительству в лице председателя Гос. Думы и поздравление с завершением великого государственного переворота.

Эксцессов не было. Гнев народной массы сдерживался с одной стороны тем, что среди команд было много молодых матросов, не испытавших на себе еще темной стороны морской службы, и тем, что в момент получения известий о перевороте, т. - е. 3-го марта, 2-я бригада линейных кораблей и минная бригада. были выведены в море. Команда этих судов получила

известие о перевороте числа 7-го, возвратясь в Севастополь. Офицеры в море внимательно следили за командой. Так, например, по рассказам т. Ченколенко, на „Евстафий", когда он встал на бочку, привезли с берега газету „Крымский Вестник". Лейтенант Баранов, увидев в ней манифест об отречении Николая II, вырвал газету у читающих матросов и поставил их под башню, но, убедившись после, что это факт совершившийся, отменил свое решение.

С приходом 2-й бригады, в Штабе было устроено совещание флагманов и командиров судов. На этом совещании Колчак огласил приказ о замене наименования „нижний чин", названием „матрос", об отмене титулования с заменой его обращением, „господин адмирал, господин капитан и т. д." Отмена титулования, по словам быв. адмирала Лукина, вызвала на лицах присутствующих печаль, некоторые сожалели об этом, высказывали, что наименование „господин адмирал", нисколько не упрощает, ибо „букв в словах не меньше, а выговаривается не так уже просто"...

Городской Исполнительный Комитет ставил своей задачею разрешение продовольственного кризиса и поддержание порядка в городе. На первом заседании был заслушал доклад о реорганизации сыскного отделения. Назначен был комиссар отделения и комиссары по участкам города. Ночью выставлялись патрули. Жандармерия и полиция были переданы в распоряжение воинского начальника для отправки на фронт. К населению было выпущено воззвание. Для разрешения продовольственного вопроса был избран продовольственный комитет. Местопребыванием комитета было здание быв. жандармского управленив на Пушкинской 1.

Центральный же Военный Исполнительный Комитет ставил своею задачей способствовать боеспособности и

безопасности флота и крепости и проверять основательность обвинений по отношению к воинским чинам.

В одном из его заседаний был рассмотрен вопрос о приведении флота, гарнизона и рабочих порта к присяге Временному правительству. Этому вопросу придавалось большое значение. Было выработано воззвание и порядок церемонии. 19-го марта утром все части флота и армии с революционными знаменами были собраны на Куликовом поле. По окончании молебствия (обычного приема соглашателей для затмения сознания масс), воинскими частями была принята присяга. После ее принятия войска прошли церемониальным маршем с музыкой по городу и направились по своим частям. 25-го марта после обедни, у собора присягнули Временному правительству и рабочие порта. После принятия присяги рабочие с пением марсельезы направились на Екатерининскую улицу. Впереди несли громадное шелковое знамя с надписью „да здравствует Свободная Россия и Демократическая Республика". Было знамя с портретом борца за свободу лейтенанта Шмидта и надписью „да здравствует единение рабочих всего мира" и знамя с надписью „война за свободу до победного конца". На Приморском бульваре был устроен большой митинг.

Центральный Военный Исполнительный Комитет не ставил себе целью вести массы вперед и не намечал коренной реорганизации управления флотом и его частей. Опубликование же „Крымским Вестником" в № 62 от 9-го марта приказа № 1 заставило подойти вплотную и к этому вопросу. Отношение к этому приказу, как комитета, так и командующего флотом было отрицательное и массам было сказано, что он не имеет законной силы до утверждения его Временным правительством. Это раз'яснение было дано Колчаком на одном из митингов и было подтверждено ЦВИК'ом

в специальном воззвании. Но организация судового комитета, по почину матросов, на крейсере „Память Меркурия“ заставила членов ЦВИК приступить к выработке „временного положения для судовых, ротных и полковых комитетов“; 18-го марта оно было утверждено командующим флотом. Перед судовыми комитетами ставилась задача поддержания боевой мощи. Комитет имел право распоряжаться кормовыми суммами, в его ведении находилось получение и распределение обмундирования, а также устройство лекций. Вопросы же боевой подготовки и обучения команд входили в обязанности командного состава. Работа в ЦВИК'е шла очень медленно, много расходовалось энергии на то, чтобы примирить отношения офицеров с матросами. Первые заседания происходили в помещении Штаба крепости под председательством Левговда. Свои постановления ЦВИК проводил в жизнь после согласования с командующим, неприемлемые же для него пересматривались. Митинги назначались с его разрешения или по соглашению со Штабом. Иногда на заседаниях ЦВИК присутствовал Колчак. Так было до 23-го марта, когда Колчаком было предложено образовать комиссию для урегулирования вопросов охраны крепости. Аналогичные отношения были и между командирами судов и судовыми комитетами. Колчак этот период в своем показании следственной комиссии характеризовал так: „В начале эти учреждения даже вносили известное спокойствие и порядок“, другими словами ЦВИК был в зависимости от Колчака.

III. Организация Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов.

Соглашательская политика ЦВИК и его бездействие в деле реформы флота и в создании революционной

власти толкали матросские массы к действию через головы своих представителей. Приглашение Петроградского Совета прислать Севастополю от Совета своих депутатов на совещание Советов Р. и Крест. Депутаций побудило рабочих порта и матросов организовать в Севастополе Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов, в лице которого и сосредоточить власть. В полуэкипаже в средних числах марта было созвано собрание делегатов от всех частей флота, армии и портовых рабочих, на этом собрании и были избраны делегаты в Совет.

ЦВИК, сознавая свое бессилие в создании революционной власти, предложил Совету устроить совместное заседание по вопросу об уничтожении в крепости многовластия. Дело в том, что хотя формально в Севастополе власть числилась за командующим флотом, но по существу она частично была и в руках ЦВИК, Городского Исполнительного Комитета и Городской Думы.

На первом совместном заседании 22-го марта по этому вопросу была принята следующая резолюция: — „Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов г. Севастополя есть страж будущего политического строя России, который создаст возможность духовно-культурного развития и осуществления социальных реформ. Принимая на себя руководящую роль, Совет оставляет за ЦВИК решение вопросов чисто военного характера и права административного органа, не лишая его впрочем права инициативы, которая проводится в жизнь с соглашения Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, сохранив к нему отношение подобное отношению Петроградского Совета к Временному правительству".

Свои задачи Совет формулировал так: 1) защита завоеванных народом прав, 2) защита завоеванной свободы от всяких посягательств внешнего врага, 3) все-

мерное поддержание порядка и создание всех необходимых условий для скорейшего созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и без различия пола голосования, 4) борьба с контрреволюцией и провокацией, 5) укрепление в массах сознания необходимости выборов в Учредительное Собрание лиц, способных отстаивать демократическую республику и форму правления, 6) улучшение быта, условий внутренней жизни и материального положения трудящихся, крестьянства и лиц воинского звания, а также поднятие их духовно-культурного уровня.

Из своей среды Совет выделил президиум из 8 человек и 17 комиссий: военную, комиссию по охране труда, агитационную, просветительную, комиссию по охране безопасности флота, крепости и города, комиссию по наблюдению за Севастополем, следственную комиссию, летучий отряд, комиссию личного состава, мандатную, хозяйственную, организационную, и др. На этом же заседании были выделены 3 представителя на Всероссийское совещание, созываемое Петроградским Советом.

Порядок дня Всероссийского совещания был следующий: 1) отношение к войне, 2) отношение к Временному правительству, 3) организационные вопросы, 4) организация революционных сил, 5) подготовка к Учредительному Собранию, 6) продовольственный вопрос, 7) земельный вопрос, 8) другие вопросы крестьянской жизни, 9) вопросы солдатской и военной жизни, 10) текущие дела. Первый вопрос будет освещен в следующей главе. По второму вопросу докладчиком от Исполнительного Комитета выступал тов. Стеклов. Период до совещания, — время формирования Совета и Временного правительства, — был связан с именем тов. Стеклова. Все извилины переговоров и взаимоотношений этих двух органов прокладывались при его непосредственном участии. Мало того, тов. Стеклов

был и ярким выразителем идеи двоевластия, он не примыкал к меньшевикам, но и не шел совсем в ногу с большевиками. Весь свой доклад тов. Стеклов посвятил оправданию двоевластия. На ряде примеров он доказывал благотворное влияние вмешательства Исполнительного Комитета. У слушателей, прибывших с разных концов России, складывалось впечатление, что правительство ненадежно и что при упущении со стороны Совета могут произойти гибельные последствия для революции. Эта опасность уменьшалась только благодаря тому, что верховная власть находилась в руках Совета. Но это уже говорило, о том что правительства нет, а если оно и было, то проявляло себя в попытках обкорнать революционные действия пролетариата и крестьянства. Доклад тов. Стеклова не оставлял места для поддержки Временного правительства, способного на контр-революционные поползновения. Он исходил из ходовой тогдашней формулы соглашателей „мы постолько поддерживаем правительство, посколько оно отвечает интересам революции". По докладу тов. Стеклова была принята следующая резолюция: „Признавая, что выдвинутое низвержением самодержавия Временное правительство, представляющее интересы либеральной и демократической буржуазии, проявляет стремление итти по пути, намеченному в декларации, опубликованной им по соглашению с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, настаивая на необходимости постоянного воздействия на Временное правительство, в смысле побуждения его к самой энергичной борьбе с контрреволюционными силами и к решительным шагам в сторону немедленной демократизации всей русской жизни, Совещание признает политически целесообразным поддержку Советом рабочих и солдатских депутатов Временного правительства поскольку оно, в согласии с Со-

ветом, будет неуклонно итти к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний".

Третье место занимал доклад о подготовке к Учредительному Собранию. Доклад делал член Исполнительного Комитета от трудовой группы Станкович. Перед эсерами и меньшевиками встал вопрос, какую роль должны играть Советы при выборах в Учредительное Собрание. Выступят ли Советы только в качестве органов наблюдения, контроля и обеспечения правильности выборов, или будут участвовать в выборах в виде блока социалистических партий со своей политической и социальной платформой, противоставляя себя буржуазии. Для них вскоре после совещания очевидно было, что с момента возникновения Учредительного Собрания должны быть упразднены Советы, или... нет места для Учредительного Собрания. Влияние же Советов среди пролетариата и крестьянства настолько возростало, что о сведении роли Советов к техническому руководству избирательной кампанией никто не хотел и слушать. Каждый день существования Советов умалял значение Учредительного Собрания, Советы вытеснили его из идеологии масс. Имя Учредительного Собрания, произносившееся с волнением в первые дни революции, теперь произносилось равнодушно. Совещание высказалось за отсрочку созыва Учредительного Собрания до сентября. Дальнейшая работа совещания протекала в секциях и свелась к изложению общих программных тезисов.

Доклад по земельному вопросу, представленный Совещанию предлагал образование земельных комитетов. Эти комитеты должны были бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса до Учредительного Собрания. Самый главный вопрос—как урегулировать стихийный процесс захвата и передела земель крестьянам—разрешен не был:

к этому вопросу подходили с удивительной близорукостью, только большевики узаконяли захват земель у помещика, как один из неизбежных этапов революции. Совещанием было декретировано образование Советов рабочих, и крестьянских депутатов всюду, где их не было. Назначен был срок созыва 1-го Всероссийского Съезда Советов. Исполнительный Комитет Петроградского Совета был пополнен представителями от областных и армейских комитетов и являлся таким образом формально Всероссийским.

По отношению же солдатской жизни, был принят декрет о правах солдата, но армия и флот перестраивались по собственному почину. Как общее правило, выбор командующих лиц, как на фронте, так и в тылу не допускался. Выборы, произведенные до совещания, оставались в силе, вместе с этим воинским частям предоставлялось право отвода. От начальника было отнято право налагать без суда дисциплинарные взыскания. Эти мероприятия ускорили развал старой армии, несмотря на те препятствия, которые старались ставить старый командный состав и ставка.

В Черноморском флоте вместе с Колчаком демократизацию флота старался задержать и ЦВИК, вследствие чего роль офицерства оставалась в прежнем положении, их господство в первый период после революции над некомандным составом было поколеблено мало. Потери в личном составе — до двух десятков, вместе с теми, которых пришлось из флота списать. Если сравнить с потерями, которые имел Балтийский флот, т.-е. около 200, из которых около 150 было убито, а остальных пришлось списать с кораблей, то потери в Черноморском флоте надо считать незначительными. Это об'ясняется, кроме отмеченных причин, и тем, что февраль и март месяцы были богаты походами, которые служили препятствием развитию револю-

ционного движения. Частые походы отрывали массы от политики, вот почему к Совету в Севастополе пришли через небольшой корридор—Центральный Военный Исполнительный Комитет.

Первая половина февраля прошла в борьбе как минной бригады, так и подводных лодок, с турецким каботажем.

26-го февраля под командой начальника воздушной дивизии наши вспомогательные суда—крейсера „Николай I", „Александр I" и „Румыния" под охраной трех нефтяных миноносцев под прикрытием линкора „Екатерина II" и крейсера „Память Меркурия" произвели воздушную разведку и фотографирование города и порта Констанца. С 15-го по 28-е февраля линкоры „Евстафий", „Иоанн Златоуст", „Три Святителя", „Ростислав" и крейсер „Память Меркурия" выходили в море для практических стрельб. 3-го марта, в день известий о перевороте, „Евстафий" и „Иоанн Златоуст" были выведены для децентрализованной практической стрельбы вместе с минной бригадой.

13-го марта „Намять Меркурия" и линкор „Екатерина II" стреляли по буксирному щиту, 22—23-го была сделана крупная разведка Босфора воздушными силами. Наши гидропланы с посыльных судов „Николай I", „Александр I" и „Румыния" под охраной 4-х больших миноносцев сделали ряд удачных фотографических снимков укреплений Верхнего Босфора (80 шт. из них оказались хорошими) и сбросили на батареи 7 пудов бомб.

Отряд прикрывала вторая бригада кораблей в составе „Евстафия", „Златоуста", „Трех Святителей" при 2 миноносцах.

Частые походы вызывали утомление команд, нарушение дисциплины наблюдалось все чаще и чаще:

Во второй половине марта команда эсминца „Гнев-

ный" удалила командира корабля. Для ликвидации этого случая от Совета был делегирован летучий отряд. 27-го марта конфликт был ликвидирован. Судовой комитет, принимая во внимание обещание членов Совета, допустил командира к командованию.

Конфликтов, подобных этому, ЦВИК'у пришлось ликвидировать за март месяц до 20-ти, что побудило его приступить к выработке правил дисциплинарных взысканий. Максимальная норма наказаний была установлена в семь суток одиночного заключения, Эти правила были утверждены Исп. Комитетом и 2-го об'явлены приказом командующего по флоту. Судовые же комитеты в своей практике ими почти никогда не руководствовались.

13-го апреля матросы перестали отдавать офицерам честь и стали срывать с них погоны. ЦВИК совместно с командующим поспешил издать приказ о снятии погон. Офицеры же Авиационной Школы протестовали против самочинных действий ЦВИК'а и послали об этом морскому министру телеграмму.

Гучков в ответ на телеграмму офицеров и Совета ответил, что он отменяет наплечные знаки в отношении только офицеров флота; что же касается офицеров армии, то у них погоны служат необходимыми отличительными признаками отдельных войсковых частей и учреждений огромной армии, в особенности в боевой обстановке, и являются почетным знаком. Лиц же, самовольно упразднивших и насильственно срывавших погоны, он обещает предавать суду.

1-го мая (18 апреля) Советом было организовано празднование дня Труда.

С раннего утра по городу носились автомобили разузукрашенные флагами и зеленью. Это были автомобили Центрального Военно-Исполнительного Комитета. С 9-ти час. к Приморскому бульвару стали стекаться с крас-

ными знаменами представители и члены разных партий и союзов.

На большом Приморском бульваре с многочисленными плакатами собрались рабочие и другие граждане под знаменами социал-демократов. На знаменах—требования: 8-ми часовой рабочий день. На малом Приморском бульваре под знаменем „Земля и Воля“ собрались социалисты - революционеры, профессиональный союз строительных рабочих, союз булочников и кондитеров.

С оркестрами музыки и знаменами прибывали на Графскую пристань моряки. В десятом часу манифестации с музыкой направились на Куликово поле.

Шли мусульмане с пением песен и знаменем на родных языках, украинцы со знаменем „хай живе вильна Украина“; мелькало знамя союза молодежи с красными лентами, знамена профессиональных союзов женщин; знамя моряков с надписью „без полной победы не может быть мира“, „победа над Германией — путь к братству народов“; „Свободная Россия“ (Екатерина II) шла со знаменем „Да здравствует демократическая, федеративная Республика“; подводное плавание со знаменем „в борьбе обретешь ты право свое“; печатники с надписью на знамени: „Да здравствует Демократическая Республика и свободная печать“.

Среди этого леса знамен тихо двигается автомобиль украинцев. По середине его девушка в национальном костюме и на руках ее обрывки цепей, по сторонам фигуры украинцев-селян с эмблемами сельского хозяйства. В воздухе кувыркаясь делал мертвые петли маленький гоночный „Моран“, и большие „Вуазены“ носились жужжа над полем.

В начале первого часа ораторы в автомобилях начали произносить на Куликовом поле речи на тему о значении 1-го мая.

Громкое многотысячное „ура“ неслось по полю в ответ на речи ораторов. По окончании речей, тысячи собравшихся возвращались в город. Празднества окончились около 6-ти час. вечера. По своим размерам этот праздник превзошел все доселе бывшие, так называемые, народные празднества, которые когда-либо устраивались в Севастополе.

21-го апреля рабочие поставили вопрос о 8-ми час. рабочем дне на обсуждение Исполкома Совета. Против 8 часов рабочего дня вела агитацию мелкая буржуазия, которая отчасти вместе с офицерами пыталась столкнуть рабочих с флотом и армией, указывая на то, что „вы, воины, работаете неограниченное время, а вот рабочие заговорили об определенном количестве часов“. Рабочие вынуждены были сделать заявление, что они выставляют рабочий 8-ми часовой день, как минимум, а работать готовы столько, сколько потребуется. 22-го делегатским собранием армии, флота и рабочих 8-ми час. рабочий день с оставлением экстренных и сверхурочных работ был введен.

IV. «Оборона» оборонцев.

Севастопольские оборонцы отличались от вдохновителей Российского оборончества только местными особенностями.

Мелко-буржуазные политики социалисты-революционеры и социал-демократы (меньшевики), вместо ведения самостоятельной пролетарской политики, путались между капиталистической и пролетарской и надеялись, что буржуазия, в лице своих представителей Милюкова, Гучкова, Львова и др., добровольно откажется от грабительской войны и барышей.

Отсюда и их идеология— этот мещанский социализм, социалистические фразы прежде всего: Революция,—но „не слишком далеко". „Борьба с контр-революцией",—но без запугивания буржуазии. Социализм,—но лет через двести. Братство народов,—но „как бы союзные банкиры не обиделись"!

На Всероссийском Совещании делегатов от местных Советов в роли идеолога последнего течения выступал Церетелли. В своей речи он пытался доказать, что параллельно с борьбою за мир необходимо продолжать войну за свободу. А это, при отказе от самостоятельной пролетарской политики, являлось ни чем иным, как переходом на сторону своих и союзных грабительских правительств, ибо, оставляя их у власти, оборонцы поддерживали ведение войны за те же империалистические тайные договоры.

Большевики противопоставляли этой „мирной" политике свою точку зрения: „Есть один способ,—начал свою речь т. Каменев,—создать тот мир, к которому стремится вся вселенная, это способ превратить русскую национальную революцию в пролог восстания народов всех воюющих стран против молоха империализма, против молоха войны, против капиталистов".

На Совещании Советов была принята формула Церетелли с поправкой представителя XII армии Рамма — понимать под обороной не только „сидение в окопах", но и наступление.

27-го марта Временное правительство, учитывая решение Совещания Советов, изложило в декларации свой взгляд на войну. Оно ставило целью «не насильственный захват территории, а утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Министр иностранных дел Милюков в принципе высказался против аннексии, но на деле был за аннексию. На кадетском с'езде он заявил: «декларация Временного пра-

вительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе, как с согласия наших союзников, согласно лондонской конвенции. Как бы не относиться к лозунгу „мир без аннексий", нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы".

18-го апреля Милюков от имени Временного правительства послал ноту союзникам с заверением о выполнении обязательств, принятых Россией в отношении союзников, напоминая о гарантиях (захват Россией Константинополя и проливов) и санкциях, которые в исходе войны должны быть достигнуты для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем. Нота эта вызвала взрыв негодования, как в среде солдат и матросов, так и в рабочих массах. Вдохновителем этого негодования была газета „Правда", в центре которой стоял В. И. Ленин. Основным тезисом его тактики было: „Пока мы в меньшинстве, до тех пор задача партии вести терпеливую пропаганду в массах, раз'ясняя ошибки в поведении и тактике меньшевистско-эс-эровских советов и одновременно пропагандируя в массах необходимость перехода государственной власти к советам рабочих депутатов; не поддавайся естественному чувству революционера, а руководствуйся тем, что подсказывает внимательная марксистская оценка революционной обстановки".

Масса вышла демонстрировать свою волю с лозунгами „долой министров-капиталистов Милюкова и Гучкова". Правительство растерялось.

Власть фактически перешла в руки Петроградского Совета РСД. Распоряжения и воззвания исходили только от него. Оборонцы же, вместо того, чтобы укрепить эту власть, стремились смягчить народное движе-

ние, ведя переговоры с правительством о посылке союзникам раз'яснения о желании заключить мир без аннексий и контрибуций. Эта дополнительная нота была заслушана на заседании Петроградского Совета и затем передана от имени Временного правительства союзникам. На деле же господа министры вовсе и не думали отступать. Милюков после опубликования раз'яснения Временного правительства союзникам, заявил корреспонденту „Манчестер Гардиан", что Россия должна получить господство над Босфором и Дарданеллами и что она будет требовать раздела Австрии. Гучков же на следующий день, 23-го апреля, высказался против окончания войны в ничью и за полный разгром Австрии. Словом, волки, выступившие в овечьих шкурах перед русскими освобожденными гражданами, обнажили свои хищные зубы, оборонцы же, бряцая революционными фразами и рассылая по местам сообщение о принятом решении, просили у местных Советов одобрения своей тактики.

В момент получения этой телеграммы Севастопольские оборонцы по численности достигали около трех десятков тысяч. Свою деятельность они стали проявлять в последних числах марта. Крымские с.-д. организации считались об'единенными, но эти организации были проникнуты меньшевистским духом, и руководили ими меньшевики.

В первые медовые месяцы революции меньшевики легализировали свою организацию и 28-го марта устроили открытое организационное собрание. В Севастополе в это время работой руководили Пескин, Горячко, Соболев и др., в Симферополе—Рабинович, Лейбман, Вульфсон, Новицкий, Либин и Галопп; в Евпатории — Штенбах и Дымшиц, в Керчи — Могилевский и Серафимов.

Меньшевики насчитывали в своих рядах 5000 членов, а эс-эры—27000. Прием в партию эс-эров был открыт для всех желающих, без всяких ограничений. Около их Комитета на Нахимовском проспекте постоянно толпилась масса народу. Здесь можно было встретить с красным бантом чиновника, студента, офицера, и, наконец, матроса. Первые стремились строить на эс-эровском хребте карьеру, матросов же подкупал лозунг „Земля и воля", так как они сами были крестьянами и надеялись, что эта партия сможет разрешить земельный вопрос. Кроме этих двух партий, в Севастополе выступали через печать и кадеты. Между кадетами и эс-эрами стояли сторонники демократической Республики, подчеркивающие в своей программе единение между офицерами, солдатами, матросами на началах новой дисциплины. Представителями этого замаскированного течения были офицеры флота и армии — капитан 1-го ранга Нищенков, подполковник Паллизен, капитан 1-го ранга Клочковский, старший лейтенант Фомин, старший лейтенант Смирнов I, Макаров, Сухотин и т. д.

Социалисты-революционеры повели свою работу среди мелкой буржуазии, захватывая и крестьянство. Партийная работа в Крыму была очень разнообразна, так как крымское население было крайне пестро. Здесь было до 26 народностей: татары, украинцы, великороссы, немцы, евреи, болгары, поляки, греки и т. д.

16-го апреля меньшевики были усилены приездом в Севастополь участника Очаковского восстания 1905 г. шлиссельбуржца Конторовича. На вокзале его встретила делегация от Совета. Свою работу меньшевики вели среди членов профессиональных союзов, моряков торгового флота, техников и десятников, шоферов, ремесленников и торгово-промышленных служащих. Работа же среди национальных меньшинств попала под влияние

буржуазных представителей; в Севастополе среди украинцев она велась офицерством, среди татар в Симферополе она концентрировалась вокруг таврического муфтия Челбиджана-Челебиева. Руководители национального движения, затушевывая классовые противоречия и отводя удар пролетариата от своей буржуазии, стремились воспитать в массе национальное чувство и ненависть к великороссам. Для этой цели в учреждениях и частях ими организовывались национальные кружки.

После опубликования тезисов В. И. Ленина „о задачах пролетариата в данной революции", во второй половине апреля, на одном из собраний с.-д. меньшевиков, членами ее, товарищами Кирьяном с „Евстафия" и Мокшанчиком с линкора „Три Святителя" был задан руководителям вопрос, — будет ли организация с.-д. разбирать тезисы В. И. Ленина? Пескин, лидер организации, разразившись по адресу В. И. предательскими словами о шпионстве, дал отрицательный ответ на заданный вопрос.

Товарищи Кирьян, Мокшанчик, Сосюкалов и другие поднялись и демонстративно ушли с заседания. Спускаясь по лестнице и обдумывая, как им начать работу, они встретили большевичку тов. Тимофееву, только что вернувшуюся из Петрограда. Остановив их и узнав о случившемся расколе, тов. Тимофеева вместе с ними направилась к товарищу Алексакису, хорошему пропагандисту-большевику. У него было принято решение об организации пропагандистских собраний; помещение для них достал тов. Алексакис по Севастопольской улице в одной из школ.

Каждому из большевиков было поручено привлечь на эти собрания по нескольку человек из матросов и солдат. На первом заседании, при разборе тезисов В. И. „о задачах пролетариата в данной революции",

присутствовало 45 человек, в дальнейшем же эта цифра увеличивалась.

В первых числах мая был избран временный партийный комитет, в который вошли: тов. Тимофеева, тов. Алексакис, Сосюкалов, Кирьян и Мокшанчик. В то время, когда большевики вели пропагандистскую работу, меньшевики занимались вербовкой новых членов. Агитацию же за войну в массе вело офицерство. Из него выделялся полковник Верховский, который, побывав в Петрограде, был в курсе правительственной политики. Среди офицеров, матросов и солдат 16-го апреля он сделал доклад на тему: „Исторические дни", в котором развил мысль о необходимости для России Босфора и Дарданелл. Его доклад был опубликован в местной газете, а затем переработанный вышел прокламацией под названием: „Какой нам нужен мир". В противоположность развиваемой Верховским мысли линейный корабль „Три Святителя" в своем письме об отношении к войне писал:

„Вполне понимая, что буржуазия лишь под давлением пролетариата уступает одну за другой свои позиции, мы протестуем против тех недостойных приемов борьбы буржуазии, которые она применяет, чтобы задержать дальнейшее развитие русской и всемирной революции. Мы приветствуем Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов за его авторитетное для всей демократии заявление в отношении войны и мира без аннексий и контрибуций.

Решение же Всероссийского Совещания Советов солдатских и рабочих депутатов об оборонительной и наступательной войне во имя свободы стали известны в Севастополе из полученной телеграммы от делегата Всероссийского совещания Куценко 22-го апреля. Эта телеграмма была заслушана делегатским собранием. В ответ на нее была выработана резолюция, в

которой отмечалось, что Черноморский флот, гарнизон и рабочие города присоединяются к резолюции Всероссийского Совещания Советов о целях войны и поддерживают мир без аннексий и контрибуций, заявляя о необходимости гарантий свободы проливов. Колчак, ездивший для доклада Гучкову о положении Черноморского флота, передает настроение флота того времени в следующих словах:

„В начале Гучков выслушал доклад Чернявского о положении Балтики. Чернявский сообщил о требовании команд, чтобы суда управлялись судовыми комитетами, о введении выборного начала и т. д. Я в свою очередь обрисовал то, что делается у меня на Черном море. Тогда Гучков сказал мне: „Я не вижу другого выхода, как назначить вас командовать Балтийским флотом". Я ответил: „У меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, в силу ряда причин, которых не было в Балтийском флоте, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь производятся, неизбежно и неуклонно приведут к общему развалу. Я указал, что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется. „Если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что-нибудь". Гучков сказал, что он подумает и переговорит со мной еще раз.

Родзянко высказал мне оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал, как и везде.

Родзянко задал мне вопрос: „что же по вашему мнению делать"?

Я ответил, что нас совершенно разлагает пропаганда „неизвестных лиц", которые ведут совершенно открытую работу против войны. Пока меня еще не

тронули и я пользуюсь известным влиянием, которое еще у меня осталось, но, вероятно, на-днях это кончится тем же взрывом, который был в Балтийском флоте. К кому мне обратиться? Кто мог бы мне в этом деле дать совет?"

Родзянко предложил мне поехать к Плеханову и поговорить с ним, может быть, он даст указания, как лучше поступить в этом деле.

Я поехал к Плеханову осветил ему создавшееся положение и сказал, что надо как-то бороться с совершенно явной и открытой работой разложения. Я обращаюсь к нему, как к вождю социал-демократов, с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые были бы хорошими агитаторами, так как насильственных мер я, в силу постановления правительства, по отношению противников принять не могу.

Плеханов сказал мне: „Конечно, при вашем положении, этот способ единственный, но он ненадежен".

Во всяком случае Плеханов обещал мне в этом направлении содействовать, подчеркивая, что „правительство не управляет событиями,—они оказались сильнее его".

Возвратившись в Севастополь—Колчак подготовляет в матросской среде почву для ведения войны по захвату проливов, выпуская ряд приказов с производством одних из рядовых матросов в унтер-офицеры, других в специалисты, а третьим жалуя в награду медали и кресты и т. д. В отношении агитации за войну командующему много способствовали меньшевики с эсерами, а также Киселев [1]) из царскосельской дружины. Киселев в первые дни переворота шел вместе с массами

[1]) Киселев прислан был в Севастополь из царскосельской дружины для занятия младшей командной должности в десантных частях, после расформирования их он оставался в Севастополе, как верный слуга эсерам, меньшевикам и монархисту Колчаку.

и пользовался среди них даже популярностью, но затем испугался, отшатнулся и сделался от'явленным оппортунистом. Он первый вместе с эсерами явился к Колчаку с просьбою сделать на расширенном заседании Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и на обще-городских собраниях доклад о положении страны. 25-го апреля на делегатском собрании Колчак сделал доклад „Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками". Он говорил, что мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьбы народов оружием, и только при его посредстве.

Для Колчака вопрос о новой дисциплине, основанной на классовом сознании и классовых интересах, не мог быть понятным. Он строил свою речь на национальных чувствах, которые как бы должны были побудить к восстановлению прежней дисциплины, организации военной силы.

Отмечая братание на фронте, отрицательные стороны положения (с его точки зрения) на Балтийском флоте и агитацию против войны, он защищал необходимость войны, мотивируя это тем, что конец войны может поставить нас в зависимость от Германии, так как мы дадим ей возможность, заключивши с нею какое-либо соглашение и выйдя из войны, разбить союзников на западном фронте. Германия победит, и мы попадем в полную зависимость от нее; если же Германия будет побеждена, тогда нам придется иметь дело с союзниками, с которыми мы якобы связаны кровью и рядом обязательств. Отказом принимать дальнейшее участие в войне мы вооружаем против себя союзников, а они пред'явят нам неоплатные счета, и мы опять окажемся в кабале. Говоря о буржуазии и спасая ее, Колчак был прав, но рабочему и крестья-

нину незачем было спасать буржуазию, а потому они и выступали против империалистической войны. Борясь против войны, они должны были вести в то же время борьбу против господствующего класса. Без этого не мог наступить мир. Свергая в своей стране капиталистов, рабочие тем самым подавали пример другим.

Свою речь Колчак закончил следующими словами: „Какой же выход из этого положения, в котором мы находимся, которое определяется словами „отечество в опасности"... Первая забота—это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, – это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самоуверенности невежества. Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать, надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников: я не вижу другого пути для приведения нашей вооруженной силы из „мнимого состояния в подлинное состояние бытия". Это есть единственно правильное разрешение вопроса".

Эта речь была поддержана председателем делегатского собрания меньшевиком Конторовичем, лидером эсеров Пампуловым и, наконец, авантюристом Баткиным, разделявшим мнение меньшевиков.

Авторитетность Конторовича и Пампулова, которую они имели в то время, позволила им увлечь временно за собою делегатов.

После колчаковского триумфа, ЦВИК'ом было принято решение о посылке делегатов от Черноморского флота в Балтийский флот и действующую армию с целью агитации за войну. Отдельным корпорациям, т.-е. офицерам, кондукторам и матросам было предложено избрать делегатов. 27-го апреля, опасаясь, что команда линейного корабля „Свободная Россия" станет

в оппозицию, члены Совета вечером прибыли на судно и в кают-компании на заседании судового комитета сделали доклад о текущем моменте, предложив принять следующую резолюцию, в которой, говоря о мире без аннексии и контрибуции, они провозглашали „мы чужого не хотим и своего не отдадим“, что в отношении Финляндии, Украины, кавказских, крымских и других народностей, было той же аннексией.

В состав судового комитета входило 8 офицеров и 16 матросов. На собрании председательствовал машинный унтер-офицер Михайлов, в политических вопросах плохо разбиравшийся. Резолюция, декорированная несколькими революционными фразами, собрала большинство голосов и затем была доложена делегатскому собранию, которое, приняв ее, поручило президиуму телеграфно сообщить о принятом решении Петроградскому Совету и Временному Правительству.

28-го апреля на заседании ЦВИК'а был заслушан доклад о выборах делегатов на фронт. Избрано было 28 офицеров, 14 кондукторов, 78 матросов, 41 солдат, 23 рабочих, всего 184 человека. ЦВИК состав делегации пополнил 6 делегатами от Совета и поручил Баткину с Писемским договориться с Колчаком о средствах на поездку. Колчак, отпуская деньги, провел Баткина матросом, тогда как раньше он был студентом и в Совет входил от учащихся города Севастополя. Центральный комитет с.-д. большевиков, учитывая отсталость черноморских моряков, предполагал пригласить в Севастополь для агитации В. И. Ленина. В первых числах мая об этом появилась заметка в газетах. Сообщалось о том, что В. И. Ленин предполагает заехать в Крым и посетить Севастополь, Евпаторию и другие города. Эти несколько слов взбудоражили все офицерство, всех ростовщиков и торговцев. На них напал страх, что этот человек сможет повести за собою

флот и гарнизон. Забегали меньшевики и эсеры по судам. Веских слов против В. И. Ленина привести они не могли, приходилось трепать старый анекдот об измене родине, о том, что программа действий Ленина ведет к гибели свободы и т. п. 4-го мая эсеры поставили заметку о приезде В. И. Ленина на спешное разрешение делегатского собрания. Чувствуя, что в идеях Ленина лежит то, что ищут массы рабочих и крестьян, лидеры эсеров напрягли все свои голосовые связки, чтобы доказать, что приезд Ленина может разрушить организацию флота и уничтожить свободу.

Для серой массы, не разбиравшейся еще в политике и не знавшей ни программ, ни вождей, было достаточно и этого,—из 409 присутствовавших делегатов 340 высказалось против приезда, 49 воздержалось и 20 высказалось за приезд.

Президиум Исполнительного Комитета, согласно принятого решения, разослал по южным городам: в Феодосию, Ялту, Евпаторию, Николаев, Одессу, Херсон, Батум, Сухум и Трапезунд телеграмму следующего содержания: „Сообщается для сведения и распоряжения:—делегатское собрание Черноморского флота, гарнизона и рабочих постановило всеми имеющимися средствами ни в коем случае не допустить приезда Ленина в Севастополь. — Центральный Исполнительный Комитет".

В это же самое время команда „Георгия Победоносца" и штаб командующего обратились с призывом к судам флота присоединиться к лозунгу „война до победного конца, во имя свободы". К этому воззванию присоединились команды „Иоанна Златоуста", „Очакова", „Воли" и другие. На „Волю" Колчак обращал особое внимание. Укомплектовывая „Волю" кулацким элементом, Колчак напрягал все силы, чтобы скорее ее

достроить и противопоставить левеющей команде линкора „Свободная Россия".

3-го мая Черноморская делегация была уже в Москве. Баткин на заседании Московского Совета, приветствуя членов Совета, говорил: „нам не нужен Босфор, но когда начальство приказывает кораблям итти влево, миноносцам вправо, а подлодкам опускаться, мы исполняем это. Обратитесь же к армии и скажите ей те лозунги, которые мы провозгласили здесь от имени Черноморского флота". Председатель Совета, меньшевик, в ответном слове делегации заявил, что Московский Совет присоединяется к этим лозунгам. С этими лозунгами Баткин выступил и на заседании Московской Городской Думы, где он говорил: „Отечество в опасности — вот лозунг, который совершенно справедливо и во-время был брошен в русские сердца, и Черноморский флот, гарнизон и рабочие не могли не поднять своего голоса по этому поводу. Но голоса мало,—нужно дело. Вот с чем мы едем. Мы едем не только за тем, чтобы призвать всех к единодушию, к единению,—мы едем затем, чтобы, если будет нужно, отдать нашу жизнь там, на позициях, чтобы показать, как нужно умирать за свободную Россию. Скажу больше, мы едем для того, чтобы, если нужно, отдать половину Черноморского флота русской революционной армии, лишь бы ее не разбили. В вашем лице я приветствую представителей имущего класса, но меня, матроса, это не смущает. Тогда, когда успокоится Россия, я открыто выйду с вами на борьбу, а сейчас вы мне братья постолько, посколько вы идете со мною...

Что же нам нужно? Нам нужно спасти Россию. От кого спасти? От внутреннего и внешнего врага... Для того, чтобы потом получить землю и укреплять волю, нам нужно сейчас сплотиться в одну тесную семью,

Мы чужого не хотим, но своего мы никому и никогда не отдадим".

Приветствуя представителей буржуазии и указывая на „внутреннего" врага, Баткин относил к последнему и большевиков. Свою провокаторскую роль по борьбе с большевиками в интересах буржуазии он обнаруживает в одной из телеграмм в следующих словах:—„Морская контр-разведка прекрасна, сухопутная очень плоха, и мы негласно принимаем в ней участие, чтобы выяснить опасных нам людей и отдать под суд, как шпионов. Матрос Баткин".

Замаскировывающая классовую борьбу речь Баткина пришлась по вкусу буржуазии, и Городская Дума постановила отпечатать ее в количестве 2-х миллионов экземпляров для распространения на фронте.

7-го мая Черноморская делегация была в Петрограде. Президиум делегации вошел в контакт с лидерами оборонцев и с Государственной Думой. Пролетариат Петрограда отнесся к делегации враждебно. В газете „Солдатская Правда" появились статьи „Долой черноморцев!" Буржуазия же встретила делегацию сочувственно, ей было предоставлено хорошее помещение, делегатам было выдано 25.000 рублей. Об этом бюро делегации сообщило в ставку представителю Тихменеву следующей телеграммой: „Ставка, Главковерх, кавторангу Тихменеву. Сегодня получили военминистра 25.000 рублей, при дальнейших надобностях обещано ссужать. Настоящее время изыскивать способа притока средств не приходится. Если интересуетесь в деньгах, сообщите, переведем. Бюро делегации Черного моря".

Для пополнения своих сумм бюро делегации было разрешено устраивать платные концерты, митинги; для того, чтобы привлечь на эти концерты держателей денежных сумм, приглашались для выступлений Алек-

синский, Керенский, Плеханов и другие вожди оборончества.

Рядовые члены делегации, побывав на митингах по заводам и в воинских частях, послушав большевистских ораторов и познакомившись с революционной организованностью рабочих и войска, поняли, что в войне заинтересована лишь одна буржуазия, которая, оставаясь у власти, с помощью ее продолжает свою грабительскую политику, пролетариат же и крестьянство от нее только больше разоряются. Сознавая это, часть делегатов подняла вопрос об обратном возвращении в Севастополь, руководители же делегации Баткин, Кравчук, Вербов, Любин и другие поспешили направить часть делегации в армию для подготовки к наступлению, а часть в Балтику для агитации, оставив в Петрограде Бюро. В Балтику Баткин не поехал, а передал руководство этой частью мичману Вербову. Вербов был человек не глупый; воспитанный в буржуазной среде, он умел недурно говорить и обладал способностью политиканства.

В Гельсингфорсе балтийцы устроили в Мариинском дворце митинг всей базы и пригласили на него черноморских делегатов. На митинге тов. Дыбенко сделал доклад о текущем моменте и о положении в Балтийском флоте. Митинг прошел с большим под'емом. Познакомившись с жизнью балтийцев, часть делегатов решила возвратиться в Севастополь. Большая часть попыталась склонить балтийцев на свою сторону, но, убедившись в безнадежности попыток, покинула Гельсингфорс и направилась на фронт.

Делегация же, отправлявшаяся на фронт разделилась на три части: одна из них в 40 человек отправилась на северный фронт (район Восточной Пруссии), вторая часть в 64 человека направилась в польский район, а остальные — на румынский фронт.

Офицерский состав встречал делегацию сочувственно, ей оказывалось во всех отношениях содействие. Что же касается солдатской массы, то она встретила черноморцев репрессиями. Так, напр., в XII армии делегаты были подвергнуты аресту. Бюро делегации сообщило об этом в ставку: „в Риге наши делегаты подверглись аресту солдатской толпы, идейная борьба с большевиками невозможна, поступают угрозы; как быть?..

Бюро делегации".

Солдатская масса не хотела итти в наступление. Так, в XI армии 16-й полк отказался пойти в окопы, заявляя, что они все ленинцы. Черноморцы выступили в роли уговорщиков. Участники передают следующее: „Митинг затянулся до поздней ночи и когда наши делегаты ехали ночевать в волостное правление, в них из засады были произведены выстрелы, в темноте было трудно разобраться, и мы возвратились в штаб. При выезде из деревни в нас снова были произведены выстрелы, но, к счастью, никого не задели. Этот полк считается полком прапорщика Крыленко".

Черноморской делегации принадлежит идея создания ударных батальонов, члены делегации приняли активное участие в формировании их. Некоторые из делегатов принимали кроме этого участие в агитации за заем Свободы в Поволжье.

Размах работы поглощал силы делегации и 14-мая Баткин телеграммой просил Севастопольский Совет о делегировании вновь 100 человек „с сильной волей" и 3 членов партии социал-революционеров.

15-го мая ЦВИК'ом постановлено было выделить 100 человек и просить командующего флотом отпустить для поездки их десять тысяч рублей.

16-го мая часть делегатов выехала в армию Брусилова в Каменец-Подольск, а остальные направились в Петроград в распоряжение бюро.

Во второй половине мая матросской массе из газет стали известны лозунги Черноморской делегации и формирование ими ударных батальонов. С мест стали поступать протесты и требования об отзыве делегации.

Выпущенная союзом офицеров декларация, содержание которой охватывало, как политические задачи в отношении войны, так и организационные вопросы в отношении строительства флота, дисциплины и прочего, вызвала еще более враждебное отношение к делегации и к войне. Эта декларация была секретно разослана по судам для отзыва офицеров каждого судна. Судовой Комитет линкора „Свободная Россия“ этот пакет принял непосредственно сам.

Там был пункт:

1) Россия совместно с союзниками должна довести войну до победы над неприятельскими армиями.

2) Победа не может быть достигнута одной пассивной обороной, только решительное наступательное действие приведет к победе.

3) Свободной России нужно иметь свободный выход к Средиземному морю, обеспечивающий нормальное экономическое развитие страны.

Был пункт о восстановлении дисциплины в прежней форме и о приостановлении реформ в управлении флота, о свертывании деятельности судовых комитетов и т. д.

Критический доклад на заседании комитета по этим тезисам было поручено сделать мне.

Доклад в форме ответных тезисов мною был написан и устно сделан на заседании судового комитета. На мое выступление с критикой войны, захвата Константинополя, проливов и введения прежней дисциплины, офицеры, присутствовавшие на собрании,

не решились возразить. Доклад был одобрен, и мне было предложено повторить его на общем собрании команды.

Команда, заслушав доклад, решение судового комитета приветствовала и повела соответствующую агитацию среди других команд.

Команда полуэкипажа протестовала в своей резолюции против лозунгов Черноморской делегации.

ЦВИК был вынужден вызвать Баткина для доклада в Совет. Доклад вызвал оживленные прения. Ораторы требовали отзыва всей делегации. Оборонцы выделили для расследования деятельности делегации комиссию в 15 человек—5 меньшевиков, 5 социал-революционеров и 5 беспартийных, сочувствующих последним двум партиям. Комиссия „затерла“ деятельность своих соратников и полномочия делегации были продлены.

Отказываясь от самостоятельной пролетарской политики и братаясь с буржуазией, оборонцы тем самым задерживали рабочее движение, которое вынуждено было медленно, само освобождаясь от пут предателей, выходить на борьбу с монархическим офицерским засилием и буржуазией.

V. На перевале.

Большинство солдат и матросов из крестьянской среды первое время относились сочувственно к войне под влиянием агитации, что земля их может быть забрана неприятелем. Надеясь вернуться домой, боясь потерять землю они молча, как бы заключая союз с помещиками и капиталистами, принимали участие в грабительской войне, но уставши и разоривши свое последнее хозяйство, солдаты и матросы порывали свое прежнее соглашение, выступали против

войны и требовали земли помещиков себе. Настроение в пользу оборонцев в Севастополе об'яснялось еще и местными причинами, тем, что рабочие Севастопольского порта имели свои собственные домики. Эти домохозяева болели общей болезнью всех мещан (которых в Крыму значительный процент),—боязнью потерять свою собственность в пожаре социалистической революции. Специфический подбор личного состава служащих, инженеров и самих рабочих еще более поднимал это настроение, но хозяйственная разруха, дороговизна жизни и неспособность соглашателей бороться с этим впоследствии отбросила рабочих в сторону большевиков. Партия революционного пролетарского социализма взяла правильный курс. Главные лозунги с.-д. большевиков были: национализация банков, трестов, контроль рабочих над производством, передача власти Советам, национализация земли, всеобщая трудовая повинность, отказ от платежа государственных долгов. Члены партий эти лозунги несли в массу. Пропаганда большевиков и им сочувствующих среди беспартийных масс вызвала в Севастополе вначале ряд конфликтов соглашательского Совета с командующим флотом, а также отдельных команд с командным составом, а затем уже настроила и против оборонцев.

Первое столкновение назрело 22-го мая между Советом и Колчаком. Колчак вышел из этого столкновения победителем только благодаря предательству соглашателей, а также вследствие слабости организации соц.-демократов (большевиков). Но это первое поражение подготовило массу к последующим победам и усилило большевиков, которые в дальнейшем выступили, как авангард в борьбе за власть Советов. Первое столкновение назрело из-за раскрытия спекуляций в порту. Генерал Петров набивал себе карман на заготовке обуви для матросской массы. Произ-

веденное расследование по делу о злоупотреблениях в порту установило, что при поставке тридцати двух тысяч пар обуви поставщики, покупая кожу для порта по 80 рублей за пуд, продавали ее в частные руки по 200 рублей. В Симферополе одним из них было заготовлено 950 пудов для перепродажи. Следственная комиссия, узнав об этом, обратилась к ведующему этой поставкой ген.-лейт. Петрову с просьбой выдать ей разрешение на вывоз кожи в Севастополь. Петров отказался, мотивируя тем, что если он выдаст разрешение на отобрание кожи, то тем самым нарушит контракт. На вторичное требование он ответил, что постановления Центрального Комитета для него необязательны, подчеркнув, что пропуск на вывоз кожи из Севастополя поставщикам выдан им и что, если комиссии угодно получить пропуск, то комитет должен обратиться к поставщикам. Считая такой наглый ответ оскорбительным для Центрального Комитета, а факт выдачи пропуска на кожу преступным, пленарное заседание Центрального Комитета постановило арестовать Петрова за пособничество и соучастие в спекуляции, так как было установлено, что заработок спекулянтов на этом деле выразился в грубой цифре около 30.000 рублей.

Для ареста и согласования этого постановления с командующим флотом была выбрана делегация в составе кондуктора Долженко, рабочего Кухарчука и солдата Асякова, которая в шесть часов вечера отправилась к командующему и об'явила ему постановление Центрального Комитета об аресте Петрова, указывая мотивы, которые побудили ЦВИК принять это решение. Командующий флотом Колчак отказался санкционировать постановление, как незаконное, и предложил для переговоров с ним пригласить председателя Центрального Комитета. Председателю его Софронову,

Колчак заявил, что он отказывается санкционировать постановление на том основании, что оно незаконно и что если комитет будет настаивать на своем решении, то ему придется отказаться от совместной работы. На основании этого заявления было созвано экстренное заседание Совета старейшин Центрального Комитета.

Учитывая политическую обстановку и настроение масс, Совет старейшин не нашел возможным отменить постановление Комитета, о чем известил Колчака. Считая, что постановление об аресте Петрова должно быть выполнено немедленно, Совет старейшин вызвал из флотского экипажа патруль, который совместно с вышеотмеченной комиссией около 1 часа ночи арестовал и доставил Петрова на гарнизонную гауптвахту.

Около 2-х часов ночи из штаба командующего флотом Советом было получено сообщение, что командующий флотом послал телеграмму министру-председателю Львову, военному и морскому министру Керенскому и Верховному Главнокомандующему, в которой указывает, что Центральный Комитет вышел из рамок законности и что он не считает возможным продолжать далее совместную работу.

В виду этого Севастопольским Советом была послана следующая телеграмма председателю Совета Министров Львову, военному и морскому министру и Совету солдатских и рабочих депутатов Петрограда: „Систематическое неисполнение постановлений Центрального Комитета чинами Севастопольского порта по отношению виновных препятствовало продуктивной работе, умаляло в глазах флота и гарнизона престиж Комитета. Считая, что единственным способом вывести страну из создавшегося положения является создание единой сильной власти, опирающейся на доверие широких демократических масс, принадлежащей Советам рабочих и солдатских депутатов совместно с мест-

ными представителями коалиционного правительства, Центральный Комитет не может допустить подрыва своего авторитета кем бы то ни было. Поэтому случай с генералом Петровым является не выходом за пределы установленные законом, а единственным для данного случая выходом из положения. Комитет считает долгом донести, что были использованы все средства для убеждения командующего флотом в необходимости арестования генерала Петрова. И только после того, как выяснилось, что приказ об аресте ни в коем случае не будет отдан, Центральный Комитет привел арест в исполнение самостоятельно. Севастопольский Центральный Исполнительный Комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих".

13-го мая в три часа дня, в цирке Труцци, Центральный Исполнительный Комитет ознакомил делегатов со всеми материалами этого дела и принятыми решениями. Делегатское собрание, заслушав постановления Совета старейшин, утвердило их.

14-го мая штабом командующего была разослана телефонограмма во все судовые комитеты, в которой предлагалось делегировать от каждого судового комитета на делегатское собрание офицеров по три члена.

Члены Центрального Комитета, узнав об этом, также явились на собрание. В 4 часа собрание было открыто представителем Совета лейтенантом Левговдом. На этом собрании выступил с докладом Колчак. Ознакомив присутствовавших с характером происшедшего конфликта и развивая свою речь, Колчак сказал, что вообще комитеты вмешиваются во все дела, вносят разложение в ряды армии и флота и подрывают дисциплину. Вернувшись к конфликту с Центральным Комитетом, Колчак отметил невозможность совместной его работы с Центральным Комитетом и заявил, что

с такими взглядами он уезжает с докладом военному министру.

После его речи собрание было закрыто. 14-го мая в 12 часов ночи Колчак и члены Центрального Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих—лейтенант Левговд, солдаты Зайцев и матрос Бундов также выехали из Севастополя с докладом военному и морскому министру о возникшем конфликте.

15-го мая от коалиционного правительства было получено извещение, что оно назначает для расследования дела Петрова особую следственную комиссию и что до расследования дела он должен быть освобожден. Пленарное заседание Совета, после оживленного обмена мнений, считаясь с назначением особой следственной комиссии по делу Петрова и получением распоряжения об освобождении, постановило Петрова освободить, но от занимаемой должности устранить.

В самый момент столкновения с Советом Колчак, желая отвлечь внимание от себя, отдал распоряжение приготовиться к операции постановки мин у Босфора. С этой целью были посланы миноносцы „Пронзительный“ и „Гневный“, которых, в свою очередь, должны были прикрывать 2-ая бригада линкоров в составе „Евстафия“, „Иоанна Златоуста“, „Трех Святителей“ с крейсером „Память Меркурия“. В 10-ти милях от Босфора крейсер „Память Меркурия“ спустил на воду моторные барказы, которые, приняв мины с эскадренного миноносца „Пронзительный“, были подведены на буксире последнего к границе минного поля. Отсюда моторные барказы, отдав буксиры, в строе кильватера легли на пролив. В 1 час 50 мин., войдя в пролив, барказы начали постановку мин заграждения, которая в 26 минут, скрытно от неприятеля, была закончена. В следующую ночь операция была повторена: приняв мины с эскадренного миноносца „Гневный“, мо-

торные барказы на буксире быстроходного катера в 23 часа легли курсом на середину Босфора в строе кильватера в следующем порядке: моторный барказ „Память Меркурия", барказ с линкора „Иоанн Златоуст", с „Ростислава" и „Свободной России".

В 0 час. 15 мин. 13-го мая отряд барказов, продолжая итти на буксире быстроходного катера, начал постановку мин в $1^1/_2$ — 2 кабельтовых от маяка „Румели". В 0 час. 22 мин. под барказом с крейсера „Память Меркурия" раздался оглушительный взрыв с пламенем, принятый в первую минуту на быстроходном катере за выстрел в упор с береговой батареи. Взрывом мины была разрушена кормовая часть барказа и убиты командир и 4 матроса, находившиеся на корме. Шедшие рядом с ним барказы с „Иоанна Златоуста" и „Ростислава" получили повреждения, при чем на первом, уже окончившем постановку, были убиты оба офицера и шесть матросов, на втором изранена вся команда.

Всего в этой операции погибло 15 человек и 21 изранено. Этой непродуманной операцией Колчак предполагал отвести внимание матросских масс от конфликта, но ему не удалось.

После этой операции в одно из таких рискованных и не продуманных предприятий посылался и „Жаркий", команда которого с командиром Веселаго отказалась выйти в море.

Веселаго был умный офицер, но вел себя по-барски и смотрел на команду свысока, хотя относился к ней снисходительно. Команда, чувствуя его презрительно-снисходительное отношение к ней, не взлюбила его и не могла простить ему того, что после революции он, сохраняя „кают-компанию" для офицеров, не уступал ее для команды под читальню.

Исполнительный Комитет взял задачу на себя уладить дело. Миноносец подчинился. Для поддержания дисциплины, Исполкомом было принято следующее решение:

1) Признать отказ выйти в море недопустимым.

2) Признать действие судового комитета неправильным и обвинение пред'явленное командиру необоснованным.

3) Предложить судовому комитету во всех своих действиях и постановлениях строго придерживаться положения о судовых комитетах.

4) Предложить командиру со своей стороны в дальнейшем не давать поводов к недоразумениям.

Казалось, что дело кончилось, но это было не надолго.

17-го мая в 8 часов вечера в Севастополь, для улаживания конфликта, на эскадренном миноносце прибыл морской министр Керенский.

Еще задолго до этого над бухтой в воздухе шумели гидропланы, поджидая министра. К 8 часам утра на „Георгие Победоносце" собрались: комендант крепости капитан 1-го ранга Остроградский, начальник штаба крепости ген.-майор Рерберг, главный командир порта вице-адмирал Васильковский, правительственный комиссар прапорщик Широкий, весь штаб командующего флотом, председатели—Центрального Исполнительного Комитета—Сафонов и городского Исполнительного Комитета — Жандр. Здесь собралась вся знать г. Севастополя, не присутствовали только рабочие организации, что же касается членов Совета, то они были представлены только одним председателем.

По данному сигналу, на палубе „Георгия Победоносца" выстраивается команда с офицерами и почетным караулом с оркестром музыки. Подходит катер

„Скорый“. Керенский, сопровождаемый Колчаком, взбирается по трапу.

Приняв рапорт от командира корабля, министр обошел весь офицерский состав и команду, подавая многим матросам руку, желая подчеркнуть, что он снисходит до рядового матроса. Затем, взобравшись на люк, Керенский обратился к присутствующим с приветственной речью. Приветствуя флот, Керенский, обращаясь к команде, сказал:—„Позвольте мне в вашем присутствии приветствовать командующего флотом, который, будучи в Петрограде, говорил об организации Черноморского флота, указывая на то единение, которое существует здесь, и на то значение, какое он придает организации. Да здравствует ваш командующий флотом и лучший представитель офицерского корпуса. Ура“.

В ответ на эту речь раздалось громкое, но не дружное „ура“.

С „Георгия Победоносца“ морской министр инкогнито, в сопровождении председателя ЦВИК, начальника охраны и начальника кабинета морского министра Барановского, с'ехал на берег в Покровский собор поклониться праху Шмидта. Здесь при поклонении он возложил на гроб георгиевский крест.

Читатель может заметить, что как местные члены господствовавшей тогда в Севастополе партии эсеров вместе с Колчаком, так и их лидер не могли обходиться без молебна и попов, но с тою только разницей, что последний тайно посещает могилу и вместо венка возлагает царские кресты, которые выдавались палачам Шмидта в 1905 году. Возвратившись на корабль, Керенский с'ехал оттуда уже с адмиралом Колчаком и др. начальствующими лицами на Графскую пристань, где был встречен представителями от некоторых воинских частей, представителями национальн-

ностей, профессионального союза строительных рабочих и партии эсеров и с.-д. (меньшевиков).

Под звуки марсельезы Керенский обходил все организации и партии, здороваясь с ними, при чем организации приветствовали его краткими речами.

От имени городского управления его приветствовал Рыбарский, от имени партии „народной свободы" Меджунский, от партии эсеров Баккал и от с.-д.-меньшевиков Душка. От политического клуба женщин министру был преподнесен роскошный букет красных цветов. Еще несколько букетов, с красными лентами, поднесено было и от некоторых национальных организаций этой марионетке, приводимой в движение буржуазией.

Председатель Рады Черноморской Украинской Громады, приветствуя, отметил: „Мы прочитали вчера о том, что вы разрешили формирование украинского полка в Киеве. Этим для братского сближения двух родственных народов вы сделали больше, чем было сделано за 250 лет нашей истории. Этим вы увеличили силу обще-национального сопротивления грозному врагу.

Вы—наш, и мы с вами. Черноморская Украинская Громада приветствует вас нашим старым украинским кличем „Слава!"

В ответ на приветствия Керенский сказал:

„В свободной России все народы получат право на самоопределение. Я всегда был сторонником самоопределения национальности, но решение этого вопроса принадлежит Учредительному Собранию, я разрешил в Киеве сформирование украинского полка, на фронте же группировка по национальным признакам — нежелательна".

Затем Керенский об'ехал суда, порт и в 3 часа прибыл на заседание Центрального Комитета Совета солдатских, матросских и рабочих депутатов.

В Центральном военно-исполнительном комитете Керенский был встречен приветственной речью меньшевика Конторовича, который приветствовал его, как I-го министра-социалиста в коалиционном министерстве, говоря, что „Севастопольский Совет избран волею революционного народа, а потому перед ним и ответствен. Революция вместе со старым строем сметает и старые законы. А потому работникам на местах приходится действовать по собственному почину, руководствуясь целесообразностью и сознанием долга перед родиной. Мы придерживаемся линии поведения Петроградского Совета. Временному правительству оказываем свою поддержку по формуле: „постолько-поскольку". Теперь же, когда вместе с вами в коалиционное министерство вошли товарищи — социалисты, члены Петросовета, мы торжественно заявляем, что коалиционное правительство может рассчитывать на нашу поддержку".

Керенский благодарил за приветствие и начал свою речь с чего начал Колчак, т.-е. с производства. Он вежливо, как бы в знак особенного уважения к Совету, поздравил с производством председателя Совета в прапорщики. „Наше отношение, — сказал он, — к Советам рабочих и солдатских депутатов такое, что без таких Советов правительство работать не может, но такие организации должны работать в полном контакте с правительством. Я видел Советы рабочих и солдатских депутатов здесь, в Севастополе, и в других местах и друг друга мы понимаем".

Эти две фразы свидетельствуют о том, что Советы терпимы постолько, поскольку они не противопоставляют себя правительству, ибо, как только Советы—выразители рабочего класса и крестьянства — подходили к власти, правительство коалиции пускало в ход оружие и стремилось их разогнать. Так было в Калуге и др. городах.

В Питере правительство прибегало к аресту активных работников—большевиков.

„Вас волнует,—говорил Керенский,—эпизод с генералом Петровым и вами овладела странная идея, как будто бы ваш командующий переложил руль в сторону от общественных организаций. Из разговоров с командующим в Петрограде и здесь выяснилось недоразумение. Кроме того, я совершенно категорически должен сказать, что непоколебимый принцип должен быть положен в основу временного правительства, это—признание за каждым гражданином неприкосновенности личности. Лишение свободы может произвести компетентная власть.

— Товарищи, я согласен, что в период революции могут быть возможными действия и нежелательные, но этот первый период разрушения уже прошел, и я должен сказать, что в деле Петрова ЦИК поднял свой престиж на новую, еще небывалую высоту.

— Я буду сегодня телеграфировать временному правительству, что Севастопольский ЦВИК—это организация государственная.

— Что бы было, если бы лучшие организации стояли бы на пути разрушения?

— Товарищи, этот эпизод показал, что есть такие черты и пределы, к которым лучше не подходить. Лучшая организация фронта, как ваша, при других обстоятельствах могла разрушиться.

— Я убежден, товарищи, что мне не придется приезжать сюда, чтобы примирять вас".

В этой речи Керенский выявил все свои способности. В начале он уподобился старым морским спецам, затем вступил в роль защитника, как по отношению к правительству, так и по отношению Колчака и генерала Петрова. Он блеснул морскими терминами, пытаясь воздействовать на чувства членов Совета,

затем осторожно демагогически рисует картину печальных последствий, стараясь вызвать чувство страха.

За Керенским об аресте генерала Петрова начал говорить адмирал Колчак. Он указал, что арест может быть произведен только по приказанию юридической власти. Далее Колчак указал на то, что о деле поставщиков он даже не знал.

После речи Колчака выступил лейтенант Левговд, который обрисовал обстоятельства ареста Петрова и отметил, что арест был произведен после того, когда ЦВИК убедился в неприемлемости и непримиримости позиции командующего.

В заключительном слове Керенский отметил, что расхождение явилось лишь вследствие нежелания комитета сохранить порядок, деятельность же Петрова подлежит самому широкому расследованию, что ЦВИК по существу был прав, и предложил считать инцидент лишь мелким недоразумением и по старому русскому обычаю, его „забыть".

Вечером Керенский выступил на делегатском собрании, а утром 18-го уехал в Петроград.

С от'ездом Керенского началась кампания по перевыборам судовых комитетов, к которым масса к этому времени стала недоверчива и срок действия которых истекал.

VI. Ликвидация Черноморской колчаковщины.

При перевыборах судовых комитетов матросы столкнулись с партийными группировками. Большевики стремились завоевать идеологическое влияние в комитетах путем проведения в комитеты своих членов и сочувствующих, а также создания на кораблях ячеек. Организация ячеек шла очень медленно; так, у нас на линейном корабле „Свободная Россия" (Екатерина II)

мне удалось организовать только группу в пятьдесят человек при наличии команды в 1200 человек, из которых около 500 было эсеров, около 200 им сочувствующих беспартийных, а остальная масса была пассивна.

Наша малочисленность нас нисколько не пугала. Мы чувствовали, что лозунги большевиков для массы близки и что линия партии верна. Ближайшей своей целью мы ставили подрыв доверия массы к оборонческим партиям, отказавшимся вести пролетарскую политику, а также и к Временному правительству. И с этой работой нам удалось справиться, как только крестьянская и матросская масса увидела, что соглашатели дальше лозунгов не идут, а в вопросах войны и мира поддерживают буржуазию.

18-го мая на миноносце „Жарком" снова возник конфликт между командиром и судовым комитетом. Судовой комитет предложил командиру оставить миноносец. В то время, когда он сходил с корабля на берег, по адресу его послышался смех и брань. Дело было вынесено для разбора на делегатское собрание.

19-го мая делегатское собрание постановило разбор этого конфликта передать в ЦВИК, пополнив его совещательными голосами и по одному представителю от каждого полкового и судового комитета. Команда же эсминца „Жаркий" заявила, что она не желает больше плавать с этим командиром. После такого ответа делегатское собрание об'явило пятиминутный перерыв и предложило команде эсминца вторично обсудить ответ. По обсуждении вопроса, уполномоченный от команды тов. Мамай заявил, что они готовы подчиниться решению ЦВИК и никаких инцидентов до разбора дела устраивать не будут.

В одно и то же время началось дело и на судне „Три Святителя". Колчак отдал распоряжение кораблю

„Три Святителя“ встать в ремонт под стенку, а часть революционно-настроенной команды по спискам, представленным командиром линкора капитаном первого ранга М. М. Римским-Корсаковым, начал списывать на тральщики и на др. вспомогательные суда в Одессу, Батум и т. д.

Расформирование корабля вызвало неудовольствие среди матросской массы, так как она в этом почувствовала контр-революционные действия со стороны командного состава, что скоро и подтвердилось.

23-го мая получена была телаграмма об аресте Балтийской делегации. Делегация была выслежена в Синельникове, а арестована правительственным комиссаром только в Симферополе. Состояла она из пяти человек: от Кронштадта—Неверовский, от Або-аландской позиции — Ермак, от Гвардейского экипажа — Кибальчин и от Гельсингфорса—Чугунов.

По протесту Черноморских моряков Балтийская делегация была освобождена. Офицеры же и лидеры эсеров отнеслись к приезду делегации недоброжелательно; среди них поговаривали, что, вот, мол, приехали анархисты, свой флот разложили, теперь подбираются под наш. В „Известиях“ же Севастопольского Совета под влиянем напора матросской массы они опубликовали от имени ЦВИК следующее заявление: „матросы Балтийского флота, об аресте которых сообщалось, арестованы были по недоразумению, они являются депутатами Балтфлота, а не анархии, проповедуя за свой личный страх“.

Приезд балтийцев вызвал оживление на всех судах флота. Балтийцы привезли с собою большевистскую литературу, на митингах и на судах флота делали доклады о положении Балт. флота; эти доклады дали материал для разрешения ряда организационных вопросов в судовой жизни. Так, напр., о том, какое количество

выборных офицеров должно быть в судовых комитетах. По положению, количество офицеров определялось цифрой $^1/_4$ от всех членов комитета, естественно такое количество офицеров являлось помехой в работе комитета, а в особенности тогда, когда в их руках находилась культурно-просветительная работа.

Сообщение же, что Балтфлот эту пропорцию не считает обязательной, а избирает только тех, кто пользуется доверием, привело к тому же и на судах Черноморского флота. Так, напр., на „Свободной России" (Екатерина II) во вновь избранном комитете, где мне пришлось председательствовать, при постановке этого вопроса было решено оставить из 8-ми избранных офицеров только двух. Культурно-просветительная работа из офицерских рук была из'ята и возложена на членов с-д. (большевиков), конечно, там, где это было возможно; в частности у нас на корабле „Свободная Россия" была возложена на меня. От этого мы получили тот плюс, что газеты, литература, ораторы и лекторы на судах стали появляться от большевиков. Но самое ценное и дорогое, что привезли балтийцы для Черноморского флота, это—тезисы В. И. Ленина. Содержание тезисов передавалось в массе подобно электрическому току.

Вопрос о захвате земли для всех стал ясным, и сотни писем о разрешении вопроса о земле теперь же, путем захвата ее комитетами у помещиков, пошли в деревню. Вопрос о власти и форме правления становится уже в более определенной форме. Если роль Совета еще до получения тезисов для нас, многих молодых большевиков, была не ясна, то теперь стала очевидной. В дальнейшей работе мы себя почувствовали сильнее и бодрее. От прежних своих лозунгов: „да здравствует федеративная, демократическая респуб-

лика“ мы уже перешли к пропагандированию среди массы идеи власти Советов.

Вместе с этим было установлено, что причиной ареста Балтийской делегации служила принадлежность части делегатов к большевистской партии и находившаяся при них большевистская литература; это натолкнуло стариков большевиков на мысль, что вообще всегда литература и газеты левого течения, включая даже „Известия Всероссийск. Центр. Исполн. Комитета“ арестовываются в Синельникове или в Джанкое. При проверке это подтвердилось. С ликвидированием же этой заставы мы стали получать большевистскую периодическую печать, что значительно усилило революционность масс.

28-го мая на делегатском собрании вновь возникло дело эсминца „Жаркий“. Собранием было принято следующее решение: „Поведение командира, вызвавшего возбуждение команды по отношению к себе, считать нетактичным и просить командующего флотом списать командира с эсминца, наложив на него дисциплинарное взыскание, команду же не считать виновной, за исключением членов комитета, которые не предприняли мер для предотвращения этого конфликта:—наложить на них дисциплинарное взыскание и списать всех с судна“.

Колчак не согласился с решением делегатского собрания и отдал приказ эсминцу „Жаркий“ о спуске вымпела, чем и противопоставил себя флоту.

В особенности недовольство Колчаком возросло, когда стало известно, что офицеры тайно собираются в морской библиотеке, в клубе и др. местах. Собрание же офицеров на лин. кор. „Пантелеймон“ возбудило особое негодование, потому что вестовые из помещения, расположенного рядом с кают-компанией, были удалены.

Все это побудило устроить ряд митингов в Ушаковой балке, в флотском полуэкипаже и др. местах.

Так, 3-го июня состоялся большой митинг во дворе полуэкипажа, на котором кроме матросов присутствовали солдаты и рабочие, а также матросы Балт. флота и представители местных социалистических партий. Заметно было повышенное настроение мастросов, когда были оглашены резолюции союза офицеров Черноморского флота.

На митинге указывалось, что офицеры тайно организуются, вынося какие-то решения.

Митинг продолжался с 3 час. до 11 час. ночи.

Случай с миноносцем „Жаркий", с лин. кор. „Три святителя" и „Синоп" враждебно настраивали массу по отношению к Колчаку и начальнику штаба Смирнову.

Ораторы-большевики требовали удаления командующего и начальника штаба и некоторых офицеров, ведущих контр-революционную политику. Эсеры же стремились отвлечь внимание массы от Колчака и Смирнова и направить его на Исполн. Комитет Совета. Лидер эсеров Бируля пытался было провести предложение о переизбрании Исполн. Комитета, меньшевики же хотели Исполн. Комитет подменить авторитетной комиссией. Эти предложения были отвергнуты, но тем не менее нерешительная политика Исполн. Комитета в деле Петрова, миноносца „Жаркий", в аресте Балт. делегации и др. заставила матросскую массу вынести недоверие Исполнительному Комитету и в дальнейшем оказывать давления на его решения.

5-го июля во время второго митинга страсти еще более разгорелись, в виду того, что утром в этот день при разводе караула дежурный по полуэкипажу офицер скомандовал „смирно" при входе полковника Грубера.

Часть караула из молодых мастросов взяла на „караул", а часть матросов старослужащих, зная приказ Керенского об отмене отдания чести, этого не исполнила. Грубер остался недоволен и выругался. Возмущенные матросы арестовали Грубера.

Происходивший в это время митинг постановил кроме Грубера арестовать еще трех офицеров: Кузьмина, Плотникова и Гестеско. Плотникову ставилась в вину служба в охранке, а остальным контр-революционная деятельность.

При аресте у Гестеско и Плотникова найдено было много оружия, что еще более подняло настроение, и команды стали требовать отобрания у всех офицеров оружия, так как численность их в Севастополе доходила до 1500 человек.

Около 12-ти час. ночи митинг принял решение: у всех офицеров по судам и частям отобрать оружие, а у некоторых из них произвести обыски. 6-го июня в 9 час. утра было созвано экстренное делегатское собрание, на котором было постановлено: от всех офицеров отобрать оружие, как огнестрельное, так и холодное. В 3 часа дня была разослана телефонограмма о сдаче офицерами оружия в свои судовые и полковые комитеты.

Вслед затем было приступлено к обсуждению вопроса о Колчаке и начальнике штаба Смирнове. Большинство ораторов высказывалось за арест. Происходивший в полуэкипаже митинг также настаивал на аресте. Делегатским же собранием было постановлено: „Колчака и Смирнова от должности отстранить, вопрос же об аресте передать на рассмотрение судовых комитетов. Командующим избрать адмирала Лукина и для работы с ним избрать комиссию из 10 человек".

О принятых решениях постановлено было уведомить Петроградский Совет, военного министра и Всероссийский С'езд Советов.

Необходимо отметить, что в решениях делегатского собрания сыграли роль вновь переизбранные члены судовых комитетов, как, напр. с, нашего корабля было 4 человека и все с-д. (б). Это учли эсеры, и в июльские дни делегатские собрания и ЦВИК ликвидировали. После решений делегатского собрания, поздно вечером, адмирал Колчак собрал команду своего флагманского корабля и произнес речь, в которой заявил, что подчиняется решению собрания относительно сдачи оружия, но считает нужным сообщить, что даже японцы в Порт-Артуре не взяли его заслуженную в боях георгиевскую саблю.

При этих словах Колчак снял свое оружие и бросил его в море.

Целый день заседало делегатское собрание, после полудня были оглашены поступившие резолюции отдельных команд и частей, вынесенные по вопросу об аресте Колчака и нач. штаба Смирнова.

За арест Колчака было вынесено всего 4 резолюции, против ареста 68. За арест Смирнова 7 резолюций, против 50.

В этом же заседании была заслушана телеграмма от Временного правительства:

„Временное правительство требует:

1) немедленного подчинения Черноморского флота законной власти,

2) приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада,

3) временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину, с возложением обязанностей нач. штаба временно на лицо по его усмотрению,

4) адмиралу Лукину немедленно выполнить непреклонную волю Временного правительства,

5) возвратить оружие офицерам в день получения сего повеления. Восстановить деятельность должностных лиц и комитетов в законных формах. Чинов, которые осмеляться не подчиняться сему повелению, немедленно арестовать, как изменников отечеству и революции и предать суду. Об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа.

Напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот считался всей страной оплотом свободы и Революции".

В этой телеграмме характерно место о восстановлелении всеми мерами деятельности комитетов, а т. к. она не была нарушена то под этим следует понимать, что ее нужно сжать и ввести в русло февральского периода. Это особенно подчеркивают заключительные слова телеграммы. Вызов же Колчака для доклада был обусловлен желанием правительства спасти его от ареста. Делегатское собрание в ответ на эту телеграмму постановило подчиниться приказу Временного правительства и в ответ послала следующую телеграмму:

„История о бунте в Севастополе раздута. Вышло недоразумение с арестом трех офицеров. Это недоразумение было раздуто на митинге, где решили итти обыскивать всех офицеров; чтобы этого избежать, экстренное делегатское собрание и ЦК, просили Колчака издать приказ о сдаче офицерами оружия. Приказ был издан. Все оружие было офицерами сдано вчера. Этим предотвратили обыски и возможные эксцессы. Колчак об этом в резкой форме телеграфировал Совету Министров и поэтому создался инцидент с Колчаком. В связи с этим выяснилось, что деятельность штаба идет ненормально. „Три святителя" поставили в ремонт, когда ремонт не требовался, команда „Синопа" без нужды списана и валяется в экипаже, а потому—брожение против Колчака. Правильность этих обвинений

выяснит следственная комиссия. Возбужденный заезжими агитаторами митинг вынес резолюцию об аресте Колчака, мы не считали постановления митинга для себя обязательным. Требование это не исполнили, предложили высказаться об этом судовым комитетам и полковым комитетам и они сегодня все прислали свои постановления, где в 68 постановлениях не соглашаются с постановлением митинга и только 4 за арест Колчака".

Делегатское собрание и пятнадцатитысячный митинг получили телеграмму Временного правительства и постановили подчиниться требованиям, но протестовали против слов „военный бунт", требуя расследования действий тех лиц, которые ввели Временное правительство в заблуждение о событиях в Севастополе. „Черноморский флот и гарнизон, пройдя все испытания, еще лишний раз показал, что они организованы и не поддаются на провокацию, а стоят и будут стоять на страже свободы и в полном согласии с демократией всей России.

Центральный Исполнительный Комитет."

Эта телеграмма была заслушана на С'езде Советов, который для разбора дела выделил комиссию в составе министра юстиции Зарудного, эсера Бунакова и меньшевика Борисова; цель комиссии—уладить инцидент и вернуть Колчака к исполнению своих обязанностей, этого хотело и офицерство.

7-го июня, сдав должность адмиралу Лукину, Колчак выехал в Петроград. Турецкий же крейсер „Бреслау", получил по агентурным сведениям известие о потери якобы боеспособности флота, 12-го июня вышел в море.

Обстановку на море один из штабных офицеров Черноморского флота, Фомин, в своем письме к Колчаку передает в следующих словах:

„Мы ничего, против обыкновения, не подозревали и отправили в море очередную заградительную операцию: 4 „Эльбидифора“, 4 парохода, их буксирующих, в том числе „Король Карл“, на котором шел начальник операции, 2 миноносца в охране, „Меркурий“ и 2 миноносца в близком прикрытии, „Свободная Россия“ и 2 миноносца в общем прикрытии. „Нерпа“ — в дозоре у Босфора. Все эти группы, вследствие разности хода, вышли в разное время, и в конце концов 12-го июня расположились по линии, соединяющей Босфор и Севастополь („Свободная Россия“ в стороне к W), при чем ближайшими к Босфору была компания заградителей. Адмирал не пошел на „России“, хотя я его и убеждал, что нельзя посылать такое количество кораблей в море без командующего на дреднауте. Как оказалось впоследствии, отсутствие начальника на этом корабле сыграло главную роль в том, что „Бреслау“ ушел благополучно.

При такой обстановке в 11 часов утра было доложено в Штаморси, что „Бреслау“ в 3 часа ночи бомбардировал Феодониси“ [1]).

Было дано немедленно радио „Морси всем“, что „Бреслау“ в море, с указанием, где он был в три часа.

Через полчаса после этого радио, Клыков встретил „Бреслау“ и начал преследование. Ошибка его заключалась в том, что он дал радио не комфлоту, а по Морским силам, при чем в этом радио дал только место „Бреслау“, но не свое. Радио это мы из-за разрядов не получили, как и все последующие до самого последнего момента, когда Клыков известил уже нас, что „Бреслау“ ушел в Босфор. Таким образом, коман-

---

[1]) Феодониси — остров у устьев Дуная. «Бреслау» подошел к острову, бомбардировал нашу радиостанцию, маяк, помещение команды, высадил десант, который уничтожил орудия, захватил пулеметы, провизию и 9 человек в плен.

дующий в Севастополе не узнал обстановки на море и не мог ничего сделать, даже если бы и хотел, кроме как отставить заградительную операцию. Я его уговорил не отставлять.

На море Иванов получил радио „Свободной России", с указанием места „Бреслау", но не знал места самого линейного корабля и взаимного их положения и думал, что Клыков повторяет места, даваемые другими, а сам не находится в связи с „Бреслау", почему не решался отпустить от себя миноносцы, а Клыков не мог ему приказать. Таким обр., миноносцы, будучи в 2-х час. пути от Босфора (4 миноносца), так и не знали позиции. И когда в конце их послали, то они (это уже вина командира) пошли на соединение с „Россией" и от нее начали догонять „Бреслау", а не пошли прямо на Босфор. Таким обр., при исключительно благоприятной обстановке, когда море было усеяно нашими судами в подавляющем большинстве, и при исключительно благоприятном расположении, „Бреслау" ушел только из-за нашего неумения осведомлять свои силы и из-за пренебрежения принципом командования. Между прочим, при подходе к заграждению, „Бреслау" подвергся огню „Своб. России", которая, благодаря правильному расчету маневра, сумела его нагнать и если бы что-нибудь задержало его ход на три минуты, он бы погиб.

„Нерпа" удачно вышла на курс и сближалась для атаки настолько удачно, что командир не сомневался в успехе атаки, но гидро сбросил на него бомбы и предупредил этим „Бреслау", который круто повернул и обошел лодку.

В 17 час. „Бреслау" скрылся. Офицеры, пользуясь неудачами, повели агитацию за то, чтобы команды вынесли решение с просьбой о возврате Колчака.

На лин. кор. „Свободная Россия" офицеры выставили одного из популярных докладчиков артиллериста Коссовича.

Старший артиллерист Коссович сделал доклад в такой форме, что команды, заслушав доклад, постановили было устроить на Куликовом поле общий митинг с тем, чтобы провести постановление о возвращении Колчака. Я в это время был председателем судового комитета и стоял на вахте. Сменившись с вахты и узнав о случившемся, я отдал приказ горнисту играть большой сбор. Команда была собрана, мною был вторично сделан доклад о причине удаления Колчака. Разобравшись, команда свое решение, принятое по докладу Коссовича, отменила, подтвердив прежнее — об удалении Колчака.

Карта офицеров была бита. С устранением Колчака обстановка, правда, мало изменилась. Но постепенно матросская масса, руководимая большевиками, освободилась от соглашательского дурмана и вступила на революционный Октябрьский путь.

БИБЛИОТЕКА

Список трудов и дел, использованных автором при составлении настоящей работы.

ГЛАВА I. **Всеподданнейший доклад морского министра** за 1914 год. Архив Морискома, дела №№ 40, 77, 14804.

ГЛАВА II. Журнал Пролетарской Революции № 1 (13) за 1923 г. Архив Морискома, дела №№ 771, 1506, 22160, 7139, 9139.

ГЛАВА III. Хроника Февральской Революции Д. О. Заславский и В. А. Конторович. Архив Морискома, дела №№ 22160, 7139, 20176.

ГЛАВА IV. **В. И. Ленин**, том 14. От крушения царизма до падения буржуазии—Н. Бухарина. Архив Морискома, дела №№ 22160, 22162, 4699, 7139, дело Колчака.

ГЛАВА V. Архив Морискома, дела №№ 20176, 22158.

ГЛАВА VI. Архив Морискома, дела №№ 20176, 22158. Письмо офицера Фомина Колчаку.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1) Вместо предисловия—Эд. Эд. Эссен . . . . . 5—7
2) Предисловие автора . . . . . 8—10
3) Глава первая—До-февральский период . . . . . 11—28
4) Глава вторая—Февральская революция . . . . . 28—45
5) Глава третья—Организация Совета Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов . . . . . 46—55
6) Глава четвертая—«Оборона» оборонцев . . . . . 55—74
7) Глава пятая—На перевале. . . . . 74—87
8) Глава шестая—Ликвидация Черноморской колчаковщины . 87—99

РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

Вышли из печати и поступили в продажу.	Цена. р. к.
Васильев. Учитесь плавать	— 20
стории флота прошлого и настоящего. Изд. 2-е.	— 20
Ленин и Красный Флот	1 —
Соболев. Военно-морская игра. Изд. 2-е.	— 75
Таблица семафора и азбуки Морзе в красках	— 20
Таблицы для перевода русских мер в метрические и обратно	— 20
Соболев. Красный флот в гражданской войне	1 —
Шульгин. Мореходная астрономия	2 —
Самойлов. На канонерской лодке „Ленин"	— 60
Алые вымпела. Сборник краснофлотского литературного творчества	1 —
М. Б. Гребля.	— 10
Н. Н. Крейсерская война в прошлом	— 20
Вишневский, Вс. За власть Советов. Сборник морских рассказов	— 20
Кочкин. Взрывчатые вещества	2 —
Петров. Морская тактика	1 50
Трусов. Практический курс моторного дела	1 50
Справочная книжка молодого военмора	1 35
Сакеллари. Беседы о кораблевождении	— 30
Давыдов. Жертвы седого океана	— 35
Правила ведения счетоводства и отчетности	— 85
Рабо и Виттенбург. Полярные страны	4 —

В непродолжительном времени выйдут из печати:

[illegible] Краткий морской словарь.
Гельмерсен. Морская практика.
Лейтенант П. П. Шмидт. Воспоминания сестры. Изд. 3-е.
Давыдов. В тисках льда.
Полляк. В высь!

С требованием обращаться в Книжный Склад Морведа: Ленинград, Главное Адмиралтейство.

На запросы Склад отвечает при присылке почтовой марки.

Цена 60 коп.